— Мы приготовили для вас, товарищ молодой педагог, уютную жилплощадь... И всего в двух шагах от работы!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

КРОКОДИЛ

№ 29 • ОКТЯБРЬ 1972

Борис ДАНЕЛИЯ,
специальный
корреспондент Крокодила

Обыкновенный город

I

Большой голубой автобус катил по голубой долине мимо голубой реки в голубую даль. Справа от дороги вставали горы. Они были синие, в белых, сдвинутых набекрень папахах. Там, где кончались горы, начинался город.

Город был обыкновенный.

— Всё, приехали! — громко объявил кондуктор Чичико.— Кому в город строителей — это здесь! Кому в город химиков — это здесь! Кому в город...

— Да сколько же их тут, этих городов?!

— Один город, генацвале! — весело сказал Чичико и поставил указательный палец торчком.— Один! Город грузинских металлургов — Рустави. Знаешь?

— Да,— сказал я,— знаю.

— Обыкновенный хороший город,— гордо сверкнул очами Чичико и опять поставил указательный палец торчком.— Тунеядцев нету. Спекулянтов нету. Всяких других таких нету. Настоящий трудовой город Его величества рабочего класса! Вон его дворец, видишь?

И кондуктор междугородного автобуса Тбилиси — Рустави протянул руку в сторону большого завода синтетического волокна.

— Вон его дворец, видишь?

И указательный палец Чичико уперся в сверкающие стеклом корпуса огромного химического комплекса.

— Вон его дворец, видишь?

Впереди простирался руставский металлургический гигант.

Рядом с заводами-гигантами стояли просто заводы. Они были куда меньше и по размаху и по значению, но стояли крепко, каждый на своем месте, принципиально выпрямив трубы.

И все вместе это был город.

Город еще совсем юный, почти безусый, но, как и всякий настоящий мужчина, он уже заслужил за свои дела высокую папаху.

Город делает синтетическое волокно, строит краны, возводит дома, ремонтирует дорожные машины, производит совершенную химическую продукцию, создает новейшие строительные материалы.

Но в первую очередь город варит сталь.

II

Сталь возникает из огня. Вокруг бушует пламя, плавится руда, кипит чугун. И вдруг... сталь!

И вот в воздухе уже плывет раскаленная болванка. Перед ней скатертью стелется рольганговая дорожка. Едва соприкоснувшись с ней, болванка свирепо устремляется вперед. Она мчится как разъяренный бык, рассыпая искры и дыша огнем.

Но впереди этого быка уже ждет вооруженный блюмингом многоопытный тореро. Он бесцеремонно хватает быка за рога, переворачивает раскаленную болванку с боку на бок — и это уже длинный четырехгранный стальной брус...

Руставский металлургический гигант — завод полного цикла.

Он производит кокс, перерабатывает руду, плавит чугун, варит сталь и выпускает готовые конструкции.

ОТ и ДО.

ОТ — это Ткибули, Донецк, Дашкесан, откуда завод получает руду и уголь.

ДО — это Баку, Тюмень и другие города, куда он отправляет свою продукцию.

Рустави... Никто в точности не может сказать, сколько людей живет в этом молодом городе сегодня.

— Месяц назад было сто тысяч,— морщат лбы местные статистики,— сейчас больше. А через месяц будет еще, еще и еще больше! Почему, знаешь? Растет город. Молодой!

Но зато всем в городе известно, сколько человек здесь варят сталь.

Сталь варят ровно двенадцать тысяч. Ежедневно эти двенадцать тысяч приходят на завод, встают к домнам, к мартенам, и, когда они уходят, их энергия, их воля навсегда остаются воплощенными в металл:

чугун—2 154 т,
сталь—3 840 т,
прокат — 3 117 т,
трубы—1 479 т.

Это в сутки! А сколько в год? За два года? За пять лет?

Ответить на все эти вопросы не так-то просто. И только все те же доморощенные местные статистики могут на этот счет кое-что сказать.

— Приблизительно,— морщат они лбы,—это будет... много! Очень много! Потому что растет город, растет завод, растут люди...

И то, что как норма предусмотрено на завтра, может уже сегодня стать вчерашним днем.

III

В одиночку сталь варить нельзя. Она не по плечу одному человеку, одной бригаде и даже одному заводу.

Сталь варят коллективно.

Да, но в чем он все-таки состоит, сокровенный секрет стали? Да в том, что никакого секрета нет. Вместо секрета существует принцип:

опыт Донецка—Краматорску,
опыт Краматорска — Енакиеву,
опыт Енакиева — Таганрогу,
опыт Таганрога — Рустави.

Вот и все.

Когда-то простые грузинские парни, спустившись с гор, учились в этих городах своему будущему ремеслу. Их учили маститые, многоопытные мастера. Мастер брал за руку своего еще совсем не оперившегося птенца и гордо вел его к огнедышащей домне:

— Смотри, парень!

Потом он так же гордо вел его к раскаленному мартену:

— Смекай, парень!

Наконец, настал день, когда подручный сталевара Шалва Кухалейшвили и пять его сверстников и земляков остались лицом к лицу с мартеном, чтобы сразиться с огнем и выдать свою первую самостоятельную плавку.

— Давай, не р-робей, р-рробята-а!

В этот день здесь, на таганрогской земле, далеко-далеко от синих гор в белых сдвинутых набекрень папахах, родилась первая тонна доброй руставской стали.

— Геург! — сказал тогда дедушка Теймураз там, в горах, о Шалве.— Настоящий Геург!

Да, жил когда-то в Грузии такой мастер. Он владел сокровенной тайной стали. Изготовленные им клинки, рассекая воздух, пели песню и никогда не тупились. Геурга знал Лермонтов:

В серебряных ножнах блистает
мой кинжал —
Геурга старого изделье.
Булат его хранит таинственный
закал...

Но старый мастер так никому и не раскрыл своего секрета. И вот сегодня сидят рядышком тоже два больших мастера: Геург — Николай Бычков из Донецка и Геург — Шалва Кухалейшвили из Рустави — и наперебой открывают друг другу свои заветные секреты.

— Иной раз смотришь,— повествует Геург-Бычков,— и время как будто вышло и печь светлая, а все-таки что-то не то! И вдруг все как озарится, засветится, будто в печь золотом плеснули... Значит — готово.

— Понимаю,— жмурится Геург-Кухалейшвили.— Только я смотрю иначе. Бурлит, бурлит, бурлит. Потом тише, тише. Потом все спокойно, а наверху пупырышки, пупырышки, как лобио кипит!

— Лобио — это вещь,— кивает головой Геург из Донецка,— вкусная штука.

— Ну и вот,— подхватывает Шалва.— Раз как лобио кипит, значит — готово.

Недавно в гостях у руставских металлургов побывали их коллеги — украинские металлурги из Запорожья.

— В технологии у нас,— сказали гости,— кое-что новое... И еще вот что новое... И еще вот это...

— А у нас,— сказали хозяева,— создан на заводе новый гидропресс. Для испытания труб. Первый в Европе. И, может быть, даже первый в мире.

Встреча закончилась торжественным приемом в большом мартеновском дворце. Два сталевара из Запорожья — Алексей Фоменко и Алексей Дидковский — и два сталевара из Рустави — Анвар Шанидзе и Петр Пашин — вместе стали к мартену и скрепили товарищество двух заводов плавкой Дружбы. Крепкой, как сталь.

Два раза в год металлурги этих городов подводят итоги, и каждая такая встреча — школа, опыт, взаимная помощь.

Минувшая зима выдалась необычно суровой. На заводе — прорыв. И металлурги спешат на помощь своим товарищам. Едут в Рустави с других заводов умудренные мастера по организации труда, активисты, хорошо знающие партийную, профсоюзную и комсомольскую работу.

— Ну, что тут у вас? Давайте посмотрим, подумаем. Все вместе.

Рядом с умудренными передовым опытом производственниками за стол садятся тоже умудренные, но уже передовой наукой, ученые — академик Тавадзе и доктор технических наук Оклей.

— Оклей?

— Да, ирландэц,— с кавказским акцентом говорит доктор.— О'Клей! Правда, местного происхождения: когда-то мои предки поселились в Грузии...

И все вместе думают, решают, как вернуть руставскому гиганту его бравую, молодецкую поступь. Русские, украинские, грузинские металлурги. И ирландец кавказского происхождения Оклей. Все вместе. Ведь сталь варят коллективно.

IV

— Итак,— сказал Амвросий Джилоев — начальник отдела информации завода и он же заводской Пимен,— вас интересует самый смешной случай из жизни металлургов? Пожалуйста. Был такой случай.

И когда он закончил свой рассказ, мы оба улыбнулись.

— А еще,— сказал Амвросий,— был такой случай...

И когда он закончил, мы опять оба улыбнулись.

— А вот это,— вдруг вспомнил летописец,— случай по-настоящему смешной, и смешнее этого, по-моему, ничего быть не может. Так вот. Одно западное государство поставляло нашей стране кое-какие свои изделия. А потом ни с того ни с сего эти поставки прекратило. Словом, решили нас прижать. И тогда нас спросили: «Можете ли вы это самое изделие освоить в кратчайший срок?» И мы ответили: «Лучше спросите нас, чего мы не можем». И, конечно, быстро наладили выпуск этой продукции. Нет, подумать только, нас, с нашим опытом, с нашей техникой, с нашими людьми думали прижать! Разве может быть что-нибудь смешнее?

* * *

В центре городской площади остановился большой голубой автобус, из него донесся голос Чичико:

— Кому в город строителей — это здесь! Кому в город металлургов— это здесь!

Никто в точности не знает, сколько людей живет в этом молодом городе сегодня. Но зато всем доподлинно известно, сколько человек здесь варят сталь.

Сталь варят ровно двенадцать тысяч плюс еще один человек.

Плюс один — это кондуктор голубого автобуса Чичико. Нет, конечно, сам Чичико непосредственно сталь не варит. Но ведь и директор завода ее не варит. Директор обеспечивает работу. Но ведь и Чичико обеспечивает работу. Он всю жизнь возит металлургов.

Рядом с заводами-гигантами стояли просто заводы. Они были куда меньше и по размаху и по значению, но стояли крепко, каждый на своем месте, принципиально выпрямив трубы.

И все вместе это был город.

Обыкновенный трудовой город посреди голубой долины, рядом с синими горами в белых, сдвинутых набекрень папахах, которые упираются прямо в небо.

Рисунок В. АБРОЯНА

АБУТАЛИБ СКАЗАЛ...

Народный поэт Дагестана Абуталиб Гафуров недавно отметил свое девяностолетие молодыми озорными стихами на родном лакском языке. Впрочем, все, что говорит мудрый острослов, тотчас переводится на все тридцать с лишним языков Дагестана под девизом: «Абуталиб сказал!»

Недаром книга Расула Гамзатова «Мой Дагестан» начинается словами Абуталиба: «Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки».

А еще Абуталиб сказал: «Самое плохое состояние для писателя — серединка наполовинку. Он должен чувствовать себя или волком, заевшим зайца, или уж зайцем, убежавшим от волка».

Поздравляя старейшего народного поэта и к тому же сатирика, Крокодил желает ему самого хорошего состояния и печатает самые новые переводы его самых новых стихов.

ОРЕШНИК

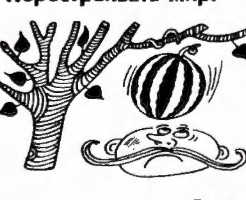
Под орешником сидя,
Однажды Амир
Перестроить решил
Неустроенный мир:

— Почему на
тонюсеньких
Ветках — арбуз!
А на ветках
орешника —
Крохотный груз!
Вот когда б у меня
Попросили совет,
Я, не думая долго,
Сказал бы в ответ:
«Пусть арбузы —
с орех —
В огороде растут,
А орехи — с арбуз —
На орешнике тут!»

Размечтался Амир...
Только вдруг,
как на грех,
На Амира упал
Самый крупный орех.

Огляделся Амир:
— Кто орех
запустил!
Не нашел никого
И совсем загрустил:
— Видно, я
не умней,
Не разумнее всех.
Хорошо, что
с орешника
Падал орех,
Ну, а если б
с орешника
Падал арбуз!
Я, конечно, не трус,
Но подумать боюсь...

И раздумал Амир
Перестраивать мир.

ЧЬЯ ВИНА...

Что алычой
Оскомину набил,
Виновен в том
Не алычиный род,—
Виновен тот,
Кто с жадностью набил
Незрелой алычою
Алчный рот!

* * *

На судебный порог
Лишь пороки несут,
Что ни день,
То какой-то порок.

И, конечно, виновен
Порок, а не суд,
Что истерли
Судебный порог!

Перевел с лакского Андрей ВНУКОВ.

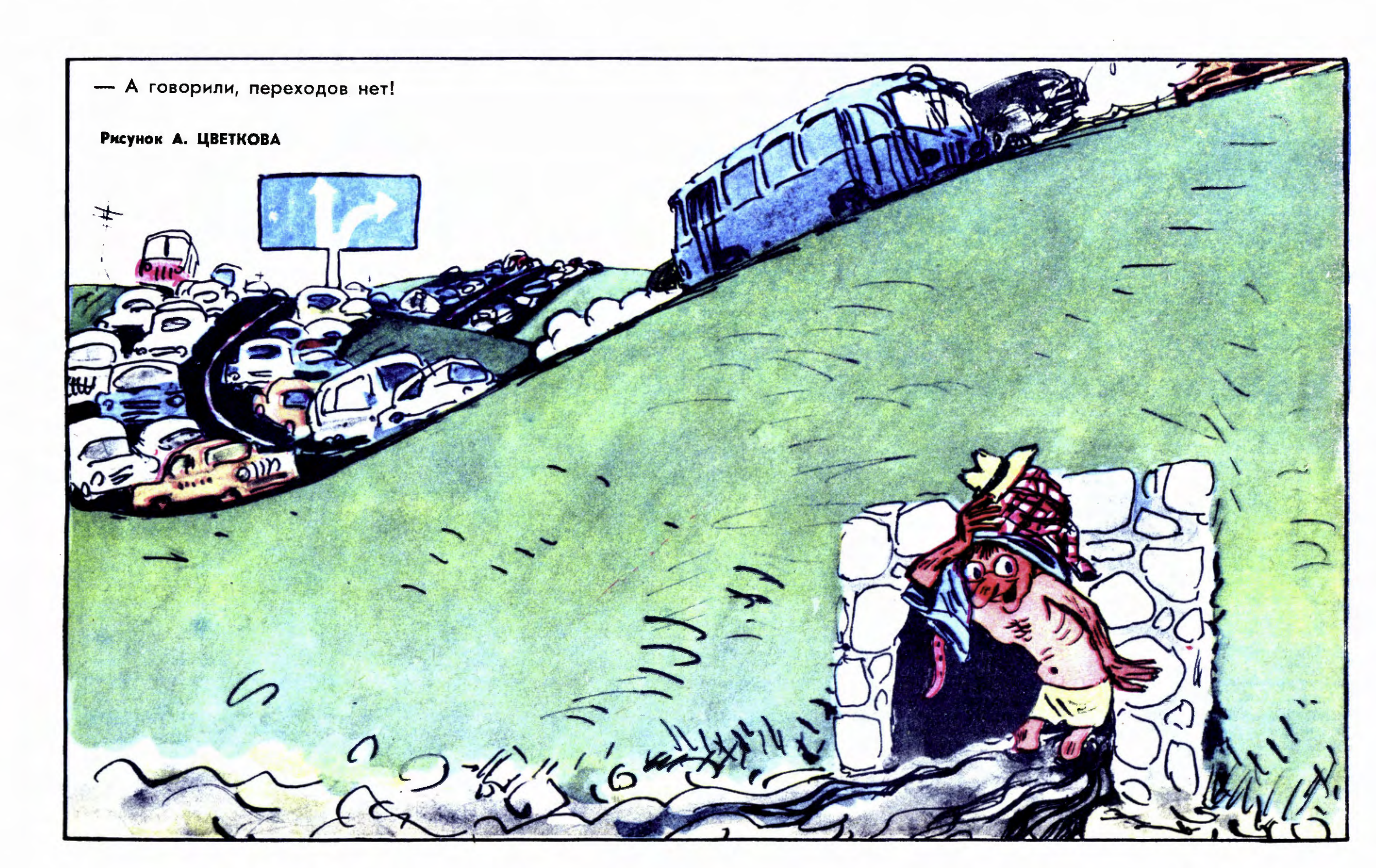

— А говорили, переходов нет!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Л. ЛУКЬЯНОВ

НОВИНКА СЕЗОНА

В Пентагоне есть кабинет, где ведется круглосуточный прием изобретателей новых видов оружия. Так как на сотню изобретателей приходится обычно лишь одна более или менее толковая мысль, в кабинете два выхода: один — широкий для основного потока посетителей, другой — узкий. Через него сочатся счастливчики, которые могут рассчитывать на заказы, подряды или даже субсидии.

К кабинету приписаны дежурный генерал и два дюжих санитара. Санитары ловко и сразу выставляют явно сумасшедших изобретателей, с остальными беседует генерал. Работа нелегкая, так что все эти военные чины получают надбавку за вредность...

Когда не так давно в кабинет вошел человек с пустыми руками, генерал насторожился. Обычно посетители тащили с собой пухлые папки с описаниями изобретений или даже рулоны чертежей. Один было попытался въехать в кабинет на танке собственной конструкции, но застрял в лифте...

— Слушаю,— подозрительно произнес генерал.— Только сразу предупреждаю: невидимые бронетранспортеры, подводный пулемет, вечный двигатель и тому подобные штуки нам не нужны. Нам нужны эффективные и по возможности дешевые средства. Сами знаете: ассигнования на военные делишки выбивать все труднее...

— Дешевле не придумаешь,— заявил посетитель и вынул из кармана небольшую коробочку.— Это надо сбрасывать на Вьетнам.

— Ясно.— Генерал нырнул под стол.— Вьетконговец берет эту штуку в руки, и происходит взрыв.

— Извините, сэр, но мое изобретение не взрывается.

— Тогда зачем оно нам? — удивился генерал, отряхивая пыль с колен.— Все, что мы сбрасываем на Вьетнам, должно либо взрываться, либо стрелять, либо, наконец, сгорать.

— Но я предлагаю совсем из другой оперы! — взволновался человек.— Вы же швыряете над Вьетнамом листовки?

— Швыряем, но лишь в промежутках между швырянием бомб.

— Ну вот! Но, насколько мне известно,— вы уж извините, сэр,— противник наши листовки не читает, а использует их по другому назначению. А с моей штуковиной, господин генерал, они так не обойдутся.

Тут изобретатель нажал кнопку, и кабинет заполнил спокойный, ровный голос диктора. Диктор убежденно рассказывал, каким должен быть истинно демократический строй на Индокитайском полуострове. Когда радиоголос принялся расхваливать мистера Тхиеу, являющего собой, по словам диктора, образец принципиального и бескорыстного лидера, генерал очнулся.

— Так это ведь обычное радио! — крикнул он.— Какого черта вы мне морочите голову!

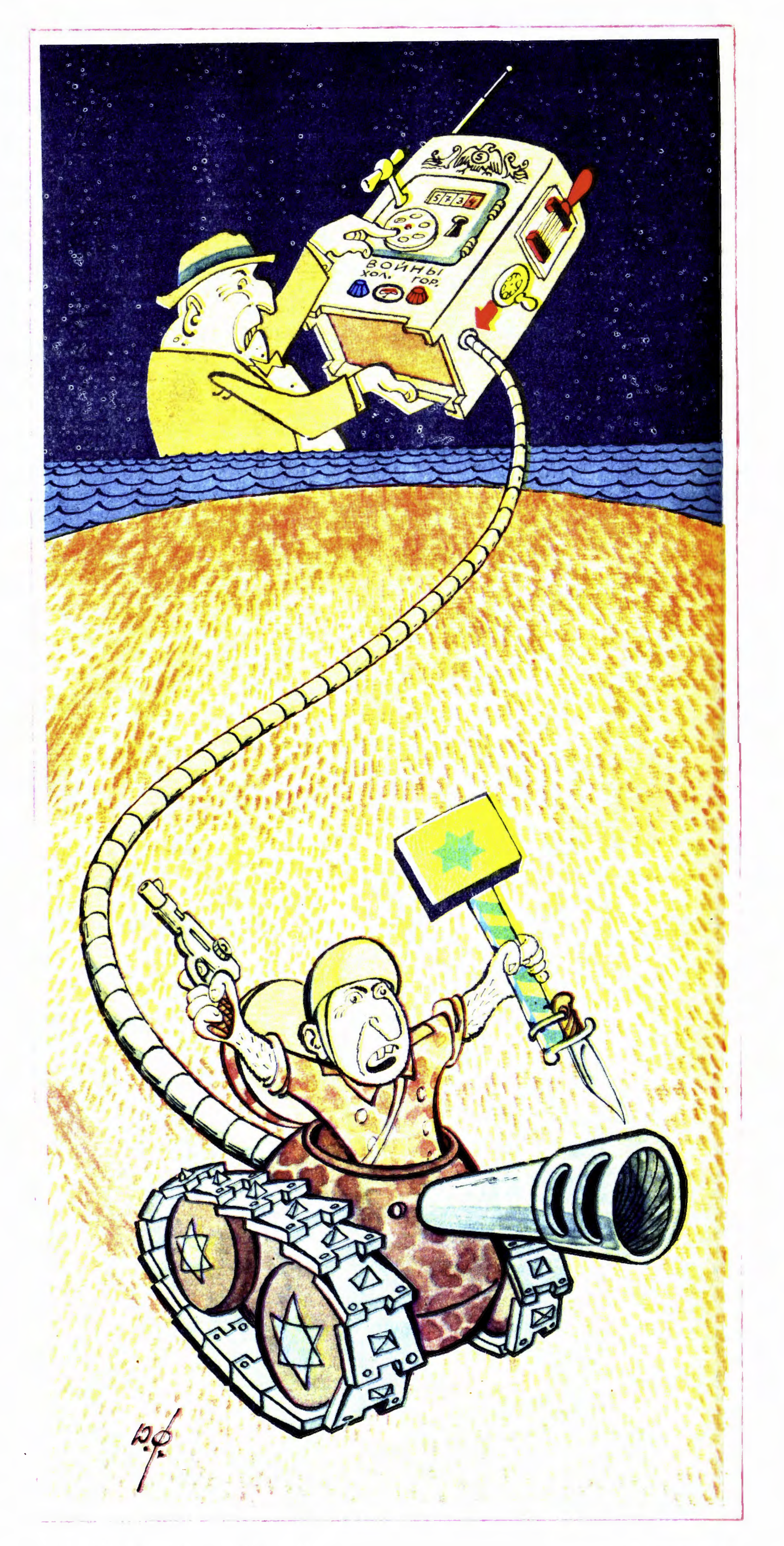
— Сэр, это не совсем обычное радио! — заторопился посетитель.— Это специальный приемник для нужд Пентагона!..

Так или иначе, но в самом деле газета «Нью-Йорк дейли ньюс» сообщила, что американцы начали сбрасывать над Вьетнамом транзисторные приемники, способные принимать на средних волнах только «Голос Америки» и «Голос Свободы» — радиостанцию сайгонских марионеток.

Однако вскоре было установлено, что разговоры о демократии и миролюбии, доносящиеся из пластмассовых коробочек, напрочь заглушаются взрывами американских бомб. Не слышно, и только!

Сейчас в Пентагоне разгорелась борьба мнений. Одни предлагают направить усилия на создание бесшумных бомб. Другие считают, что следует сбрасывать телевизоры. Телевизор можно смотреть даже во время самой ожесточенной бомбежки — крупные, ясные надписи на экране успешно восполняют отсутствие звука. Как в немом кино. Например, сбрасывая очередную серию бомб на дамбы, можно показать в этот момент выступление представителя госдепартамента, сопроводив его четкой строчкой: «Мы заявляем всему миру, что мирных объектов не бомбим!»

В стенах Пентагона не обнаружено пока, к сожалению, ни одного сторонника самой простой точки зрения — что ни бомбами, ни транзисторами и даже телевизорами дел в Азии не поправишь. Больше того, все сотрудники военного министерства строго предупреждены: если таковой чудак и обнаружится, он будет немедленно выпровожен через широкий выход — который для психов.

ДИСТАНЦИОННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Погода спятила. Пурга плясала шейк на летном поле. Звезды сбились в кучу и сосали джин под стеклянным колпаком аэровокзала. Звезды мировой эстрады, хрипатые идолы, мохнатые короли рока сосали джин, звякая льдинками в стакане. Трассы светил пересеклись в одной аэродромной точке.

Синяя кукольная мисс из справочного гнездышка опознала их округлившимися очами, часто задышала, накрутила пальчиком номер знакомого репортера.

Спустя четверть часа за стеклянной стеной лондонского аэровокзала раздался визг — то скрипнули тормоза репортерского «остина».

Репортер с лихвой вернул три фунта, сунутые в ладошку синенькой наводчицы. Он взял прелюбопытное коллективное интервью. Вот оно.

ОХОТНИКИ за звездами

На снимке из журнала «Лайф» — Мик Джаггер из рок-ансамбля «Ролинг Стоунз» за работой. Обратите внимание, как скромно он одет, как сдержанны и приятны его манеры... Право, непонятно, отчего беснуются в зале девочки и мальчики.

РЕПОРТЕР. Каждой звезде эстрады хочется, чтобы ее любили, не правда ли! Но верно ли, что ваши поклонники порою проявляют свою любовь весьма пугающим образом!

АДАМ ФЕЙТ. И не говорите — успех опасен для жизни. Помню, две фанатички ухватили меня за концы шарфа и принялись тащить в разные стороны. Я уже лицом набряк, язык вывалил, захрипел: «За что, господи?». Очевидно, до всевышнего дошло — шарф лопнул и поклонницы удрали со своими сувенирами. Насилу отдышался.

КЛИФФ РИЧАРД. Мое адамово яблоко подверглось точно такому же покушению. С тех пор я заправляю шарф за ворот рубашки.

ЭНГЕЛЬБЕРТ ХАМПЕРДИНК. Поклонники необходимы, покуда поднимаешься из темной долины безвестности на гору успеха. Но когда ты на вершине, обожание публики ужасает. Видите этот палец? Он похож на толстую белую сардельку, верно? Гипс. Память об американских гастролях. На сцену выскочила орда благодарных зрителей. Меня сбили с ног, и один тип прыгнул мне на руку.

А женщины... Ах, дамы, дамы! Как сейчас помню, во время концерта в ночном клубе Сан-Франциско одна девица сорвала с себя лифчик, нацарапала на внутренней стороне одной из чашечек свой адрес и бросила лифчик на сцену.

МАРК БОЛАН. Я считаю, что коллеге Энгельберту все-таки повезло: какникак он пополнил туалет жены дармовой галантереей. Если так пойдет и дальше, ему бросят норковую шубу... А вот у меня одни убытки. Одиннадцать автомобилей списал в утиль: все разломали на сувениры проклятые поклонники.

ХЕЙЛИ МИЛЛС. Однажды в ФБР пришла бандероль от неизвестного, назвавшего себя «поклонником Хейли». В пакете лежало несколько пуль и записка: «Я считаю, что Хейли великолепна. Но бог внушил мне, что она должна навсегда остаться молоденькой. Я собираюсь застрелить ее такой же пулей». Власти пожалели мою молодую жизнь и отрядили телохранителей. Тем и спаслась.

ТОМ ДЖОНС. Господи, да я без телохранителей ни на шаг! Я нанял специалистов по дзю-до, они следуют за мной повсюду. Надоело, знаете,— меня уже били кулаками, ногами, бутылками, меня полураздевали толпы сумасшедших девиц-поклонниц. Хватит...

ДЕЙВ КЭШ. Одну поклонницу не забуду по гроб. Получаю письмо: «Напойте пластинку специально для меня». И подпись. Напел. А она решила, что я в нее влюбился. И что же вы думаете? Эта психопатка сообщила, что разводится с мужем и меняет имя на миссис Кэш. Я и ухом не повел. Тогда она прислала бракоразводные документы — посмотри, мол, и убедись. Это переполнило чашу моего терпения. Я обратился в полицию: «Оградите от домогательств». Нашли ее — моей «невесте», оказалось, шестьдесят восемь годков.

МИК ДЖАГГЕР (лидер ансамбля «Ролинг Стоунз»). Ваши поклонники — очаровательные шалунишки по сравнению с нашими осатанелыми почитателями. Мне однажды пришлось ударить одного психа по голове микрофоном, чтобы он не тащил меня со сцены. В Новой Зеландии, в Веллингтоне, фанатики рока с такой яростью шли на штурм зала перед нашим концертом, что одного полицейского пришлось отправить в госпиталь с пробитым черепом, сотни раненых попали в госпиталь... Вот тут коллега Том Джонс хвалился своими телохранителями. Охрана — это, знаете ли, иногда вещь рискованная. Помню страшную декабрьскую ночь 1969 года. Днем концерт на ипподроме в Алтамонте, под Сан-Франциско. Триста тысяч зрителей. Мы заранее купили на пятьсот долларов пива и наняли охрану — ребят из шайки «Адские ангелы». И что же вы думаете? Пока мы визжали на эстраде, один из «ангелов» зарезал восемнадцатилетнего парнишку-зрителя! Трагедия! Мы опасались, что карьере конец, но ничего — обошлось...

А жуткая сцена в Лонг-Бич! После концерта мы набились в машину, но не успели завести мотор, как толпа фанатиков прыгнула на крышу лимузина. Раздался треск, крики, и по ветровому стеклу заструилась кровь. Нам пришлось упереться в крышу руками, чтобы не оказаться раздавленными...

РЕПОРТЕР. Ах, какая тяжкая у вас жизнь! Я вам не завидую. С такими поклонниками враги не нужны. Благодарю за внимание.

——О——

И репортер укатил на своем «остине», чрезвычайно довольный собой и добычей. Вскоре описание трудной жизни эстрадных звезд, замученных рехнувшимися поклонниками, появилось на страницах английского «Уикэнда» и американского «Лайфа». Репортаж брал за душу. Хотелось сострадать.

Но милый, наивный журналист так никогда и не узнал, что было после его отъезда из лондонского аэропорта. А было вот что.

Раздался хохот. Тряслись гривы, вибрировали кадыки, тренькали льдинки в стаканах.

— Этот блаженный дурачок, кажется, всерьез нас жалеет, ха-ха-ха!

— Какое счастье, что киношники успели заснять на пленку убийство того мальца на ипподроме в Алтамонте! — отсмеявшись, сказал Мик Джаггер.— Теперь мы крутим эту ленту на концертах, чтобы довести аудиторию до нужного градуса. А наша музыка! Будем говорить откровенно, здесь все свои — ведь я не пою, а имитирую вопли сексуального триумфа и отчаяния. Репродукторы ревут так, что мои оркестранты не слышат друг друга. Только если очень повезет, я могу расслышать за спиной буханье барабана, но это случается редко. Ору вслепую. Зато мы взяли четыре миллиончика за одно турне по Америке. А не умей мы вгонять орды сосунков в состояние массовой истерии, нам оставалось бы просить милостыню на панели!

М. ВИЛЕНСКИЙ

В ходе острой конкурентной борьбы японские потребительские товары все шире вторгаются на традиционные английские рынки сбыта.

Новый английский выходной костюм.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

ВЕЛЛИНГТОН (Новая Зеландия). В университете Виктория с пламенной речью выступила Джермен Гри — деятельница «Движения за освобождение женщин из-под ярма мужчин». Обращаясь к женской аудитории в возрасте от 15 до 60 лет, она заявила: «Настоящая эмансипация начинается с пользования крепкими выражениями из лексикона мужчин. Будем выражаться на улице, как это делают мужчины!»

Воодушевленная пламенным призывом толпа женщин направилась к зданию полиции, где начала скандировать всякие неприличные ругательства. Полиция арестовала несколько десятков женщин, а также... 15 мужчин за подсказку. В этих арестах уже ощущались весомые признаки равноправия полов...

ПАРИЖ. Раймонд Бах, французский рекордсмен в метании диска, одновременно является рекордсменом по неудачам. В прошлом году диск, который метнул его коллега, угодил ему по почке. Затем чужой диск ударил его в пятку, а три дня спустя — в колено. Две недели Бах пролежал в больнице, а выздоровев, заказал себе визитную карточку: «Раймонд Бах, метатель и мишень диска».

ЛОС-АНДЖЕЛЕС. Местный аптекарь по ошибке продал некой мисс Пирсон снотворные пилюли вместо противозачаточных. В результате ошибки на свет появился юный Дэвид Пирсон. По жалобе пострадавшей суд обязал аптекаря выплачивать алименты на ребенка до его совершеннолетия.

НЬЮ-ЙОРК. Американские модницы воспылали страстью к татуировке. К татуировщикам, которых пышно именуют «телесными ювелирами», заранее записываются на прием. Один из таких «ювелиров», Лайл Тэтл из Сан-Франциско, заявил: «Женщины предпочитают татуировку с шеи до пят. Одной, например, я выколол пышный опоясывающий венок».

20 лет назад, когда Тэтл начинал свою карьеру, женщины составляли лишь 1% его клиентов. Теперь — 98%.

Мода постепенно перекочевывает в Англию. Некий Дан Коттерел из Лондона покрыл свое тело изображениями павлинов, змей, драконов, орлов, гейш, а также восточными орнаментами. Мистер Коттерел настолько горд этой нательной выставкой, что завещал свою кожу художнику Биллу Скьюзу из Хэмпшира с наказом снять ее с тела, распять и выставить в окне студии мистера Скьюза.

ЛОНДОН. Айвор Спенсер, председатель «Британского Союза Профессиональных Ораторов и Специалистов по Тостам», назвал лидера лейбористов Гарольда Вильсона «наилучшим тостмейстером». Спенсер заявил, что его организация получает много заявок от клиентов с просьбой прислать к торжественному столу бывшего премьера. Английские газеты пишут, что если бы Вильсон решил отказаться от политической деятельности, перед ним открылся бы путь к новой карьере и безбедному будущему: за 20-минутное выступление хороший застольный оратор получает несколько сот фунтов и вдобавок даровое питание.

С ПЕРОМ У КОРМУШКИ

Н. ЯКОВЛЕВ, специальный корреспондент Крокодила

Радостным солнечным днем к Приволжскому книжному издательству подошел не менее радостный человек. Улыбаясь солнцу, он открыл ногой дверь и прошел к старшему редактору В. Костиной.

— Приветик! — сказал он вполне интимно. — Имею гарантийное письмо от книготорговцев. Купят половину тиража.

С эт словами вошедший, постоянный автор Приволжского издательства В. Костин, положил перед старшим редактором В. Костиной историю Саратовского завода тяжелого машиностроения, который больше года содержал летописца на иждивении в должности стропальщика. История создавалась к столетию завода. Автор был вполне благонадежен: ранее с помощью своей супруги В. Костиной он издал историю трамвайного парка. Тоже к юбилею.

Супруги с удовольствием смотрели на рукопись и потирали руки. Дело в том, что новое детище путешествующего по предприятиям летописца уже одобрили рецензенты. Они не скупились на похвалы. «Импонирует многое: и сюжет, раскрывающий историю одного из крупнейших саратовских промышленных предприятий, и событийная насыщенность... — писал кандидат филологических наук А. Демченко. — Словом, рукопись выполнена на высоком профессиональном уровне...»

Ученому филологу вторил редактор Н. Рыжков: «Композиционное построение книги отвечает сложившимся в последние годы требованиям и культуре краеведческого монографического очерка».

В издательстве быстренько составили договор, и автор отправился в бухгалтерию. Полиграфисты рекордно тиснули тираж, и книгопродавцы не мешкая выставили новинку на прилавки. Несколько тысяч экземпляров, как уговаривались, доставили заводу-юбиляру. На радостях партком завода наградил автора почетной грамотой.

Книгу «Молодости — век» вручали под гром оркестра героям труда и ветеранам производства. Ветераны читали книгу и удивлялись. Название завода правильное, исторический путь предприятия — тоже, фамилии некоторых персонажей смахивают на реальные, а что-то не так...

— Ба! — осенило самых дотошных. — Да ведь эта книга очень уж напоминает «Перегон длиной в сто лет» И. Павловского, А. Степанова и В. Родионова — книгу, вышедшую ранее в том же издательстве и посвященную столетию Приволжской железной дороги.

И впрямь, страницы 12 и 13 «Молодости — век» слово в слово повторяли страницу 17 из книги «Перегон длиной в сто лет», страница 14 — восемнадцатую и так далее. Удивительное сходство это распространилось на шестьдесят две страницы из всех ста пятидесяти, написанных В. Костиным. А там, где читатель ждал сходства, вдруг обнаружились поразительные различия. В. Костин переврал многие даты, фамилии, события...

Завершив плутания по дореволюционной истории завода, автор меняет жанр на очерковый: «Токарные станки механического цеха № 4 оснащены пневмопатронами и пневмоцилиндрами подачи пинолей задних бабок. В 1969 году проведены исследования по замене сульфафрезола на операции зенкерования-развертывания смазочно-охлаждающей жидкостью на базе эмульсиола НГЛ-205...»

Автор одним росчерком пера учреждает на заводе тарный участок. Напрасно искать на заводе и рентгеновские установки для проверки качества сварки. Их нет. И даже снимки в книге, призванные демонстрировать «новые агрегаты», обманывают. Нет этих агрегатов: давным-давно сняты с производства.

Оказавшись перед столь удивительным «зеркалом», рабочие пригласили автора на читательскую конференцию. Давай, мол, ответ за свою продукцию.

— Еще чего! — презрительно усмехнулся В. Костин. И гордо покинул заводскую территорию.

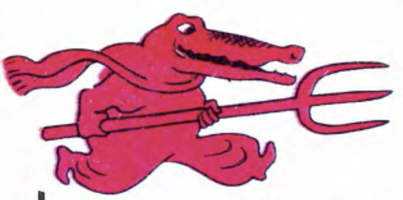
Чтобы перейти на другую.

И перешел: просочился в качестве летописца на Саратовский нефтеперерабатывающий завод имени С. М. Кирова. Иждивенческая должность на сей раз — «инженер».

Что-то будет теперь с историей этого завода...

г. Саратов.

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда фельетон был уже набран, стало известно, что на Саратовском заводе тяжелого машиностроения срочно приняты меры: партком завода, собравшись на экстренное заседание, заслушал персональное дело виновного и объявил ему выговор. Виновному, а именно тов. П. Знобину, работнику конструкторского бюро завода, вменили в вину письмо в «Крокодил» по поводу выпуска означенной халтурной книги.

РЕВАНШ ЗА ПОРАЖЕНИЕ

Этот поединок состоялся в городе Назарове, Красноярского края, когда Олимпийские игры были еще только на носу.

Представители Норильска супруги Комягины сразились тут с комбинатом бытового обслуживания «Снежинка».

Захватив инициативу, гости в какие-нибудь пару-тройку часов сумели не только вырвать заказ на изготовление женского костюма, но и самовольно написать жалобу.

Реванш за поражение в первой встрече обиженные хозяева взяли на примерке. Выманив норильчанку из очереди, закройщица завела ее в примерочную и... вернула заказ.

— Понимаете,— пояснила она,— сшить костюм можем плохо, и тогда вам придется писать на нас жалобу номер два.

И, захлопнув перед оторопевшей заказчицей тяжелые плюшевые шторы, закройщица торжественным маршем миновала приемную и красиво исчезла за служебной дверью.

И. КАРПОВ

АНТИПОЛЬЗА

Уважаемый Крокодил!

Ты, конечно, знаешь, что мостом называется сооружение, связывающее два берега реки. Ну, а что такое антимост? Правильно, это сооружение у села Дракино, которое разъединяет два берега реки Протвы.

Мост укорачивает путь. Антимост его удлиняет. И изрядно. Впрочем, в более сильных выражениях об этом могут рассказать те, кто хочет попасть из Серпухова в Тарусу.

г. Иваново. **М. ГАПОНИК**

В ПОЖАРНОМ БЕСПОРЯДКЕ

Если пожарные не спешат на пожар, как на пожар, то может получиться конфуз.

В этом я убедился, когда гостил у родителей в большом селе Московей, Кагульского района, Молдавской ССР.

Как-то ночью меня стащили за ноги с постели, и я, кое-как одевшись, выскочил на улицу и побежал на крики: «Пожар!»

Включился в людскую цепочку, по которой вместе с ведрами воды время от времени передавалось: «Едут!» Это добровольцам борьбы с огненной стихией мерещилось, что мчится местная пожарная команда, вызванная по телефону.

Пылавший сарай сгорел. Окрестные дома, на счастье, удалось коллективно отстоять.

Когда под утро, покрытые сажей и пеплом, усталые люди расходились по домам, навстречу им попался странный поезд. Впереди плелся старенький трактор, а на прицепе у него тащилась роскошная огненно-красная пожарная автомашина. Один из двух касконосителей, составлявших команду, надсаживался в рупор: «Где горит? Что горит?»

Вот какой получается конфуз, когда на пожар поспешают в тракторной упряжке.

Н. КРИВОНОС

г. Измаил

ДРОВА И ЛЮДИ

Если у вас есть печь, но нет дров, не отчаивайтесь: их можно заказать в Тукумском лесхозе. Не сразу, конечно, но все же.

Если у вас уже заказаны дрова, но не чем их привезти из леса, не впадайте в панику: машину можно выпросить в том же хозяйстве. Не вдруг, разумеется.

Но если вам, наконец, привезли долгожданные дрова, а сами вы не в силах их разгрузить, ваше дело швах.

Именно в таком состоянии оказался тов. Лешенков А. Н., заведующий аптекой № 93, что в Зентене, Тукумского района, Латвийской ССР.

Он преодолел тысячу препятствий и через Главное аптечное управление республики заказал дрова для своей аптеки.

Он, конечно, примирился с тем, что вместо тридцати кубометров, необходимых на зимний сезон 1972—1973 годов, ему привезли только восемь. Но вот разгрузить эти восемь кубометров метрового кругляка своими силами тов. Лешенков А. Н. не смог. По той извинительной причине, что сил было маловато: ему самому давно перевалило на седьмой десяток, а кроме него в аптеке имеется только одна штатная единица — санитарка.

Работник лесхоза, привезший дрова, и водитель грузовика оказались в затруднительном положении. Однако, изучив ситуацию, представитель лесхоза принял мудрое решение.

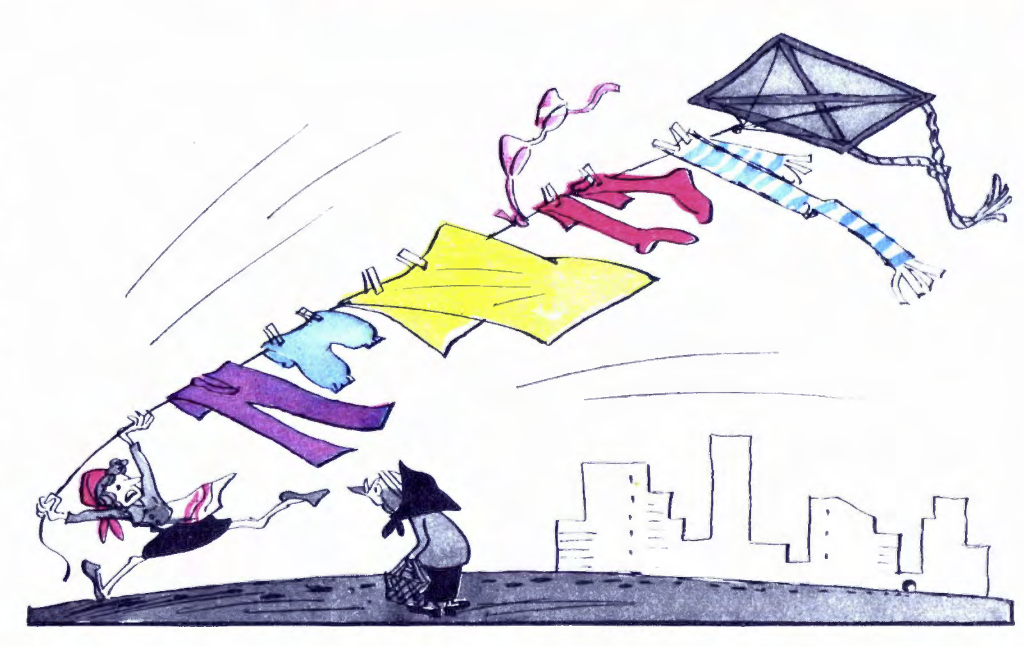
— Считаю до трех,— сказал он фармацевтам.— Если за это время машина разгружена не будет, мы возвращаемся домой. Раз... два... три... Поехали!

И машина с дровами укатила туда, где эти дрова выросли, а фармацевты стали думать горькую думу: удастся им получить в этом году дрова или придется мерзнуть, как и в прошлые годы?

В связи с чем у нас возникла продуктивная идея: а не ввести ли в штаты сельских аптек небольшой механизированный отряд лесозаготовителей?

Ю. БОРИН

— А в нашем дворе белье негде вешать!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

ХАРАКИРИ УТЮГА

СНАЧАЛА МЕНЯ ЗАИНТЕРЕСОВАЛА ИНСТРУКЦИЯ.

А когда я увидел сам утюг, он меня очаровал. До чего симпатичный! Даже захотелось любовно погладить его сверкающие бока. Эту мою нежность он принял с некоторой как будто благосклонностью. Еще больше засиял. Но когда я, включив утюг в сеть, хотел заставить его исполнять свои функции, это ему ужасно не понравилось. Минут пятнадцать он еще крепился. Но потом издал негодующий треск, вслед за чем последовало харакири.

Смотрю я на этого самоубийцу и мучительно размышляю, что с ним делать. К жизни его уже не вернешь. Разве что смастерить из его хладных останков какую-нибудь безделку. Но какую — ума не приложу.

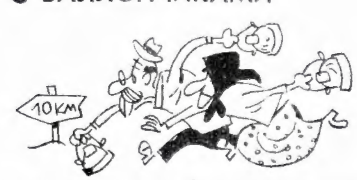
А. КОЗЫРЕВ, г. Минусинск.

Уважаемый тов. Козырев!

Вспомните незабвенные школьные годы, занятия в кружке «Умелые руки» и попробуйте тряхнуть стариной. Именно так поступила семья Клименко из г. Ангарска. Они купили утюг марки У7-6, ГОСТ 307-69. После того как он, подобно вашей «Лысьве-70», приказал долго жить, супруги Клименко нашли его останкам достойное применение. Нехитрая комбинация из ручки бывшего утюга и щетки — и получилась очень симпатичная и нужная в хозяйстве вещь.

БЕГ С БАЛЛОНЧИКАМИ

Долго руководители Туапсинского курорт-торга молчаливо наблюдали за тихой, спокойной, размеренной жизнью местных пенсионеров, и наконец терпение их лопнуло.

— Нет, так дело не пойдет,— сказали они.— Пенсионеры должны бегать, ходить в турпоходы, участвовать в соревнованиях по бегу на большие дистанции и вообще ставить рекорды.

За сим последовали действия. Стоявший в центре города киоск по обмену газовых баллончиков был в спешном порядке выдворен за город. Между городом и киоском образовалась дистанция в десять километров. Расчет на вовлечение в спорт пенсионеров был точным, ибо кто, кроме них, будет в рабочее время носить баллончики на зарядку!

Иной старичок, может, и попытался бы ускользнуть от дальней физпрогулки — махнул бы в автобус, но там за эту смелость берут штраф: баллончики с газом перевозить в автобусах нельзя.

Выход один — многокилометровый переход...

Б. САВЕЛЬЕВ

ВИЛЫ В БОК!

Андрей МАКАЁНОК

ТАБЛЕТКУ ПОД ЯЗЫК

На очередной встрече в Продолговатом зале крокодильцы познакомились с новой комедией Андрея Макаёнка «Таблетку под язык». Комедия, принятая к постановке Московским театром сатиры и Государственным белорусским академическим театром им. Я. Купалы, рассказывает о проблемах в жизни современного села, конфликте между теми, кто хочет поднять культуру в деревне (в частности председатель колхоза «Маяк» Каравай, «состарившийся вундеркинд» дед Цыбулька), и сторонниками потребительского отношения к земле (например, «ласковый представитель сверху» Ломтев, «подкованный» председатель группы народного контроля Кренделев).

Публикуем отрывок из комедии.

В кабинете Кренделев и Владимир Андреевич Каравай.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Так какую линию ты заметил? Что я искривил?

КРЕНДЕЛЕВ. Утечка кадров происходит на твоих глазах, истощается колхоз на рабочую силу. Мер никаких!.. Тут плотину надо строить, чтобы задерживать бегущих в город.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Плотину? На людей?

КРЕНДЕЛЕВ. Да, плотину! Да, на людей!

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. А знаешь, отчего бегут кадры? Не знаешь? От тебя. Надоел ты им. Ну просто до тошноты. Мне один признался на прощание.

КРЕНДЕЛЕВ. Дезертиры! Перебежчики!

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Почему перебежчики? Они что, к врагу бегут? Нет. Вроде стремятся в передовой класс. В рабочий! К культуре стремятся, в город, в науку. А ты обзываешь их. Тебе вот не нашлось места в городе, ты и сквернословишь.

Входит Светлана.

СВЕТЛАНА (испуганно). Владимир Андреевич! Ломтев. Из министерства. (Состроила удивленно-испуганную рожицу.) А там девушка эта сидит. С утра. Скромная такая, тихая. Никак не прорвется.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Давай, давай Ломтева. (Идет к дверям встречать гостя.)

Светлана выходит и тут же пропускает Ломтева.

ЛОМТЕВ. Здравствуйте, товарищ Каравай, здравствуйте!

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (радушно). Павел Петрович! Каким ветром? Какими судьбами? Товарищ Ло-омтев!

Но эту идиллическую сцену встречи начальства разрушает вошедшая вслед за Ломтевым девушка. Это Вера. Ее еще трудно назвать девушкой, больше подходит — подросток. Но подросток боевой.

ВЕРА. Нет уж, товарищ Ломтев. Вы подождите! Подождите столько, сколько я. А я с утра здесь. После меня — пожалуйста. (К председателю.) Что это за порядки у вас? Кто понахальнее, тот и прется к вам. А элементарно культурный человек — сиди и жди!

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Это товарищ из министерства...

ВЕРА. И я тоже из министерства. (Пауза.) Да! Вот, пожалуйста, направление. (Ломтеву.) Людей надо замечать. Разве вас в школе не учили: прежде чем войти, надо спросить разрешения, постучать...

Мужчины засмеялись. Кренделев с опозданием.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Смотри! Такая синичка, а клюется!..

ВЕРА. Я не синичка, а библиотекарь! Направлена к вам. Не к вам лично, а в колхоз.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. А надолго ли?

КРЕНДЕЛЕВ. Когда обратно?

ВЕРА. Я навсегда сюда.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Да ну? Ты что, сама? Своей охотой?

ВЕРА. Сама. А что?

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Диво! Просто диво!

КРЕНДЕЛЕВ. А ты...

ВЕРА (прерывает). Не ты, а вы!

КРЕНДЕЛЕВ. А вы... не с дефектом ли каким?

ВЕРА. А у вас в селе что? Все дефективные? (Рассматривает Кренделева.)

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Какая колючая! Обыкновенно такие в город рвутся...

ВЕРА. Так то обыкновенные. А я необыкновенная. Как вы. Только звездочки нет. Жаль, что и не будет.

ЛОМТЕВ. Почему же? Ты... вы еще так молоды.

ВЕРА. Библиотекарям не дают.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Значит, навсегда?

ВЕРА. Навсегда.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Серьезно?

ВЕРА. Серьезно. Я всегда серьезная.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Ну, молодка! Сработаемся! Значит, ты навсегда к нам? А вот товарищ Ломтев на время и, как я догадываюсь, на короткое время. Большое начальство надолго не приезжает. Так вот, нам с тобой будет еще время и поговорить и поскандалить. Так что прошу тихонько посидеть, а мы выясним, с чем ко мне начальство пожаловало. Так?

ВЕРА. Я не спешу, конечно. Могу подождать еще.

ЛОМТЕВ. Так вот, товарищ Каравай, я приехал с поручением, с просьбой, советом, рекомендацией...

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (вздохнул). Просьба начальства — строже приказа.

ЛОМТЕВ (улыбнулся). Ты ведь знаешь, что шеф наш — горячий энтузиаст сенажа. В нем он видит решение кормовой проблемы.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (оправдывается). Так ведь у меня был сенаж.

ЛОМТЕВ. И докладывали, что хороший. Верно?

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Вроде хороший.

ЛОМТЕВ. Так вот, в этом сезоне надо подготовиться, и заложить столько сенажа, и так организовать дело, чтобы к вам в «Маяк» можно было возить представителей колхозов для передачи опыта. Проведем у вас семинары руководителей областных организаций, районных. В общем, вы будете все время в фокусе. На вашем примере будем учить людей.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. За что же на меня такое, товарищ Ломтев?

ЛОМТЕВ. Честь! Большая честь. Доверяют тебе большое и новое дело.

КРЕНДЕЛЕВ. Если есть почетное поручение, значит, надо! А если надо, то будет! (По-солдатски.) Будет сделано, товарищ Ломтев!

ЛОМТЕВ. Тысячи три тонн осилите?

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (аж присвистнул). А почему три?

ЛОМТЕВ. Меньше нельзя. Меньше — не тот эффект.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Тут подумать надо.

КРЕНДЕЛЕВ. Что значит — подумать? Нечего думать!..

ЛОМТЕВ. Надо, чтоб и организованность, и размах, и качество, понимаете, товарищ Каравай! Если есть какие трудности или узкие места — устраним. Если в чем нужда — поможем.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (оживился). Еще какая нужда! Тут и думать не надо. Цемент нужен, арматура, пленка, машины, запчасти, ветровое стекло для «Волги», четыреста кресел...

ЛОМТЕВ. Сенаж и ветровое стекло? Сенаж и кресла?

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Шифер для коровника, киноаппаратура для широкоэкранного, асфальта на три километра, десяток хороших женских шерстяных костюмов для премирования.

ЛОМТЕВ. Ну-у, вы уж загнули.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. А как же? Если начальство просит, то наверняка и у него можно выпросить. Я за деньги, не за красивые глаза. Да, еще ГАЗ-69 для инженера. Минуточку. (В телефон.) Слушай, это я. Есть возможность выпросить кое-что у начальства... Что-нибудь остродефицитное... Да, богатое. Если начальство высокое — значит, богатое. Стоп, стоп! Хватит! (Положив трубку.) Еще, товарищ Ломтев, летучку для ремонта в поле.

ВЕРА. А для библиотеки что?

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. А чего бы ты хотела?

ВЕРА. Книги! Я знаю, чего у вас нет. Таких книг и в городе не достать, а в селе и подавно. Вот я давно этот список составляю.

ЛОМТЕВ. Ну и народ! Вот народ, не теряется.

КРЕНДЕЛЕВ. Покажи твой список... Ваш список.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Как тебя зовут-то?

ВЕРА. Вера. А что?

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Вот ты приехала сюда. А как родители твои на это посмотрят? Что они сказали?

ВЕРА. Они ничего не сказали.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. А вдруг они будут возражать?

ВЕРА. Они не будут возражать.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Где они живут? В городе?

ВЕРА. Нет.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. В деревне?

ВЕРА. Нет.

КРЕНДЕЛЕВ. На луне, что ли?

ВЕРА. Я сама... У меня нет родителей. Я детдомовка.

Пауза.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Ну, хорошо, Вера, будешь у меня за дочку. Хорошо?

ВЕРА. Спасибо. Но я сама. Я сама!

...За дверью крики, шум, возня. Наконец дверь раскрывается, и в кабинет буквально проталкиваются дед Цыбулька и его внук Юрка.

ЮРКА. А теперь, Владимир Андреевич, решайте и мое дело.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Извините, товарищ Ломтев, я сейчас его отпущу, а потом возьмемся за траву. (Юрке) Так какая у тебя просьба?

ЮРКА. В город мне надо. Отпустите меня в город.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Пожалуйста! Хоть на три дня. Еще и командировку выпишу.

ДЕД ЦЫБУЛЬКА. Клади под язык таблетку, председатель.

ЮРКА. Нет, мне не на три дня... Меня навсегда отпустите.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Как навсегда? А я? Без тебя я как без рук!

КРЕНДЕЛЕВ. Ты что? Дисциплины не знаешь? Ты ведь секретарь комсомольского комитета. Вот вам, похвалили его — молодец, удалец! А он дезертир! Перебежчик!

ДЕД ЦЫБУЛЬКА. Но-но! Ты легче на моего внука!

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Значит, и ты?

ЮРКА. И я.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Вот как! (Деду.) А может, и ты? Бегите! А тут хоть пропади пропадом! А? Отпускаю и тебя! Что сидишь?

ДЕД ЦЫБУЛЬКА (простодушно). Мне и тут хорошо. А был бы помоложе...

КРЕНДЕЛЕВ. Ты и помоложе был кулацким подпевалой. А теперь и внука вырастил по своей мерке.

ДЕД ЦЫБУЛЬКА. Ты на кого это кричишь? Опять за свое? Ты почему обзываешь меня и внука моего всякими такими словами?

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Стоп! Стоп, дед!

ДЕД ЦЫБУЛЬКА. Нет, не стоп. А почему бы внуку не поехать в город? Для ради чего он должен киснуть тут? Ты знаешь, какая у него голова? Какая светлая? Какая государственная? Ты слыхал когда-нибудь от него глупость? Нет! Молчит? Потому что умный! Да он министром может стать, ежели только разгон ему дать и дистанцию с перспективой! А тут какая дистанция? До чего он дорастет? Заведующий фермой? Кладовщик? Бригадир? Чтобы всякий такой, как ты, пенсионер, пихал его? Он поедет в город! С его головой он пробьет себе дорогу такую, как в песне: грудью проложим себе!

ЛОМТЕВ (солидно). Вот вы, товарищ...

ДЕД ЦЫБУЛЬКА. Товарищ Цыбулька я.

ЛОМТЕВ. Товарищ Цыбулька, растолкуйте мне, почему именно в министры, почему именно в начальство, почему именно в город? А что же будет, если все захотят стать министрами?

ДЕД ЦЫБУЛЬКА. А разве и вы тоже метите в министры?

ЛОМТЕВ. Я? Почему я? Я нет. Я не мечу.

ДЕД ЦЫБУЛЬКА. Ну вот, вы — нет и я — нет. Значит, уже не все туда метят. Моя бабка тоже не метит туда. Вот я хорошо знаю, что и Владимир Андреевич чувствует себя на своем месте.

КРЕНДЕЛЕВ. Зачем ты потакаешь всем своим внукам, которые в город рвутся? Всех туда спровадил.

ДЕД ЦЫБУЛЬКА. Нет, не всех. Петя из армии возвращается? Возвращается. Значит, не всех.

КРЕНДЕЛЕВ. Одного вернул, а семерых отпустил.

ЮРКА. Между прочим, революция закрепила право на свободу, равенство, братство.

КРЕНДЕЛЕВ. Слыхали, товарищ Ломтев? А? Формулировочка! А? Счастье твое, что...

ДЕД ЦЫБУЛЬКА. Что твое время прошло.

ЛОМТЕВ. Да-а... Нездоровая тенденция.. И не совсем понятная.

ДЕД ЦЫБУЛЬКА. А все-таки, друг-товарищ, а как вы себе это толкуете? Как вы-то понимаете?

ЛОМТЕВ. Я?

ДЕД ЦЫБУЛЬКА. Да, вы.

ЛОМТЕВ (снисходительно). Такая тенденция, такое социальное явление, как интенсивная миграция сельской молодежи в города... Ты понимаешь, что такое миграция?

ДЕД ЦЫБУЛЬКА. Ну-ну, давай, давай, разберемся.

ЛОМТЕВ. Так вот, такое нездоровое явление наблюдается, к сожалению, не только у вас, но и в других районах.

ДЕД ЦЫБУЛЬКА. А почему это урбанизация уже и нездоровая и к сожалению?

ЛОМТЕВ (удивился). Ух ты! А он эрудит.

ДЕД ЦЫБУЛЬКА. Сейчас разберемся, кто ерундит. А я считаю, натуральное явление. Здоровое или не очень здоровое, к сожалению или не к сожалению, а оно есть. Тут хоть петухом закукарекай, а его не отменишь. Юрка! А ну-ка объясни ты ему, как мне вчера. Крой!

ЮРКА (уверенно, как пятерочник). Научно-техническая революция захватила и сельскохозяйственную сферу деятельности человека. Видели, сколько новой техники только позавчера прибыло к нам? Начинается новый способ производства. Коммунистический.

ДЕД ЦЫБУЛЬКА. Вот-вот! Новый способ работы! Как у Карла Маркса. Вот я скоро осилю его «Капитал», тогда я вам буду давать прикурить. Теоретически прикурить. Ну-ну, Юрка!

ЮРКА. А новый способ производства порождает и новые явления и новые сдвиги и в политике, и в экономике, и в социальной сфере. Он, способ, диктует закономерности и в перераспределении производительных сил общества. Вот где корень миграции. Натурально? Да! К сожалению? Нет!

ДЕД ЦЫБУЛЬКА. Молодец! Светлая голова! Он у меня заочник. Три курса одолел. А вот четвертый и пятый поедет туда. На очный. Точка!

ЛОМТЕВ. Ну, брат, и теоретики тут у вас, Владимир Андреевич! Просто чудеса! Может, везде так? Может, я отстал?

ДЕД ЦЫБУЛЬКА. Отстал, отстал. Не сомневайся. Вот она, научно-техническая революция... (Вытащил из кармана небольшой радиоприемник.) Транзистор. Любая мировая новость тут у меня на ладошке. Хватит лаптем щи хлебать. Способ работы — это тебе не фунт изюма!

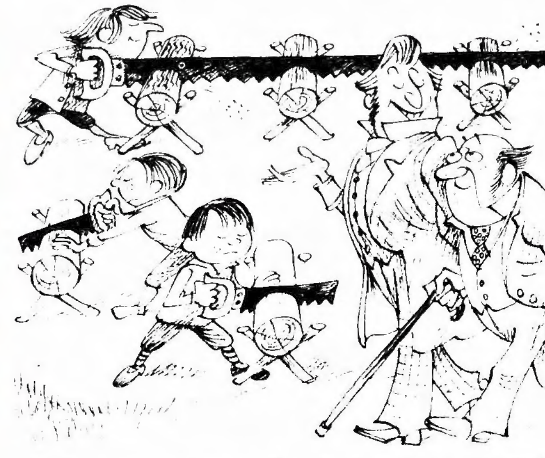

ВЕЛИКИЕ В ДЕТСТВЕ

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

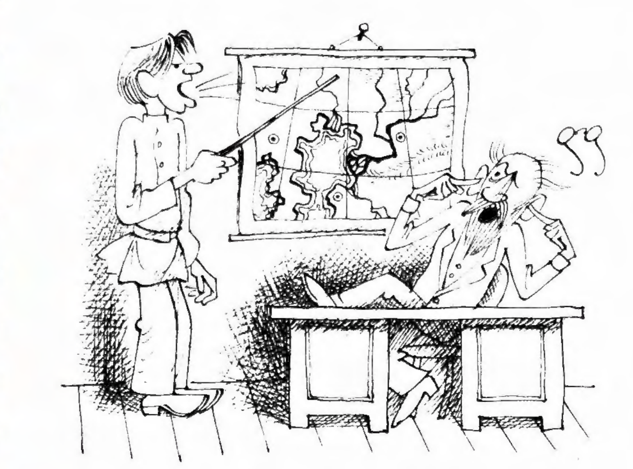
— По ручному труду Паганини — впереди всех!

— Брательники Черепановы опять озоруют!

— Толстой! Война или мир?

— Только не во весь голос, Маяковский!

Аркадий ВОЛНИН

ЯД УМЕРЕННОСТИ

В своей лекции техник завода безалкогольных напитков привел в пример собственную трезвость: «Я как-то **три дня** не пил!»

— Мой муж,— говорила на суде в Липецке гражданка Голосова,— может месяц не пить. Два. Три!..— Лица судей тревожно вытягивались.— А потом наверстать за неделю. Круглосуточно. Такая форма запоя.

Муж сказал, что ради детей он может не пить. Но тут же воскликнул:

— Так она же сама завтра потащит меня на свадьбу к сестре!

— Что ж, мне одной, что ли, идти?! — гордо обиделась жена.— Все с мужьями, с женами...

Действительно, ужас!

— Тогда не ходите,— посоветовали судьи.

— К родной сестре?! — ахнула истица. Интонация была такая: или идти на свадьбу, или разводиться!

Убедили: переживете.

А ответчик шел в наступление:

— И пусть меня по субботам не тащит к своему отцу! Тот без бутылки не может.

— Что ж, выходит, и к родителям нельзя?! — вскипела мама двух младших школьников.— На что мне такой муж?!

— Вы что же, сами пьете? — осведомился заседатель.

— В компании полрюмочки, и то мне с нее плохо делается,— сказала женщина, потерянно глядя в одну точку. Потом чуть пришла в себя и тихо спросила: — А если компаний избегать, тогда чем заниматься?

Жизнь на глазах теряла для нее свою привлекательность.

(У супругов был телевизор на двоих и среднее образование на каждого.)

Потерял терпение заседатель, старый рабочий, и закричал отнюдь не судебную речь:

— Буквы знаете?! Книжки читать умеете?! Кино в Липецке показывают?!

И на самой высокой ноте:

— Де-тей воспитывайте!

В глазах папы появилась надежда. Папа смотрел заседателю в рот.

— А если кто к вам с бутылкой придет,— распалившись, гремел тот,— спустите его с лестницы! И пейте чай!

Суд дал им срок для примирения (см. дело № 2—54, 1972 г., Правобережный суд г. Липецка). Не смогли примириться. Вопрос, видимо, был поставлен со всей принципиальностью: или пей, как люди, или уходи. Третий вариант в голову не укладывался.

Трагедия! Рушится семья! Что-то оказывается сильней семейных устоев. А именно: представление об умеренном питье как о якобы неотъемлемом признаке нормальной жизни.

— Водка сильней? — неуверенно переспрашивают непьющие или очень редко и мало пьющие люди. И пожимают плечами: да хоть бы ее и вовсе не было!

И они искренни.

Но стоит в их доме появиться гостю...

В великолепную (стекло, керамическая плитка, колонны) сельскую школу имени великого поэта гости прибыли в числе, измеряемом тремя автобусами Львовского завода. Тут были дети и взрослые. Колонну сопровождали мотоциклисты ГАИ, встречали хлебом-солью. А вечером, когда дети улеглись, почти непьющий директор школы шепнул несколько слов взрослым, подмигнув в сторону столовой.

В полночь уже целовались антиподы: автоинспектор и шоферы, директор и завуч. Проблема выяснялась одна: «Ты м-меня ув-важа?..»

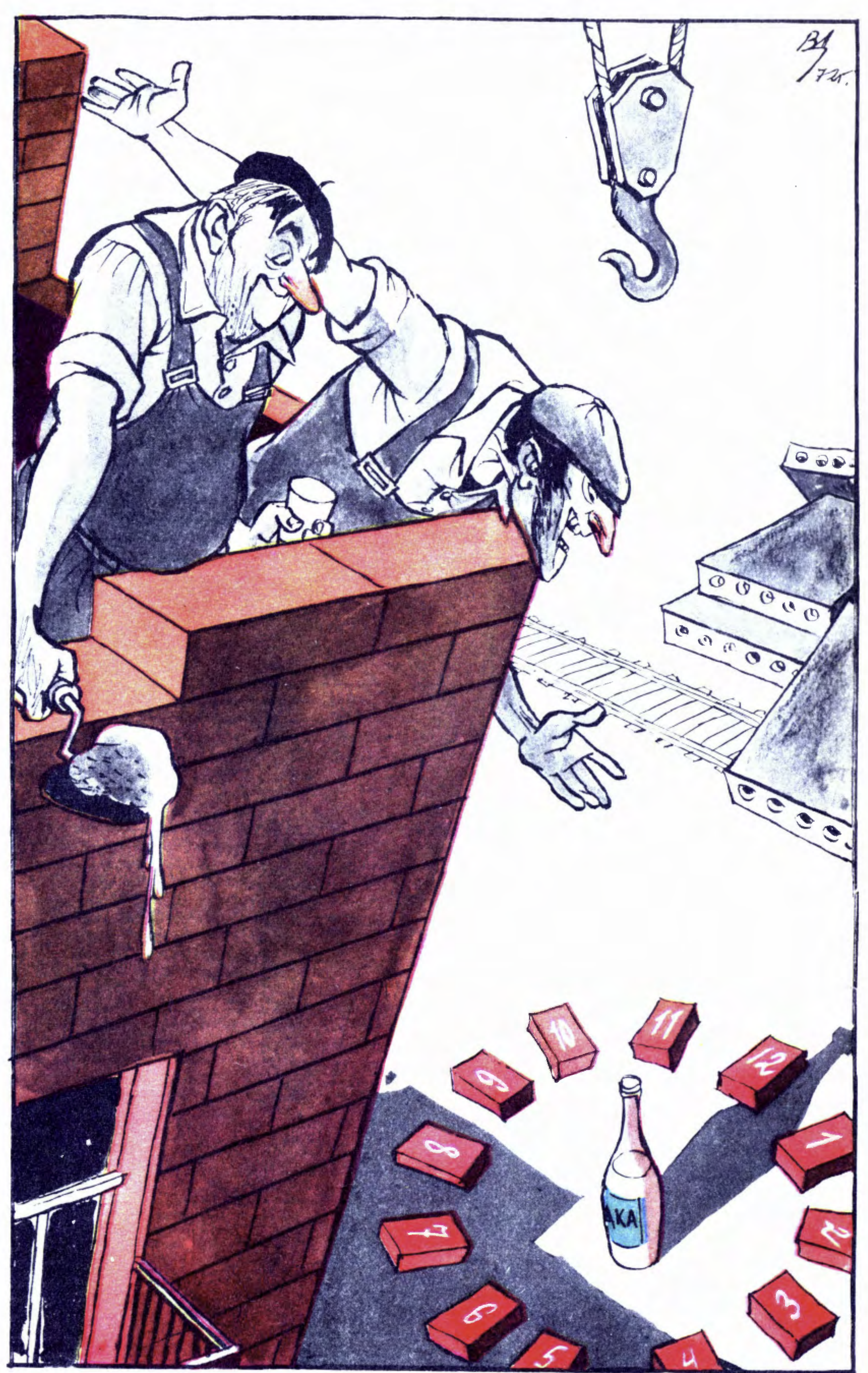
К часу ночи кто-то потерял часы, а кто-то двигательную способность. На столах стояло столько, чтобы до утра хватило и на следующий день осталось. Иначе еще, чего доброго, гости заподозрят хозяев в скаредности...

К счастью, все кончилось благополучно. Нашлись часы и способности. Никаких эксцессов не было. И теперь вроде бы и ни к чему уже называть имя директора и великого поэта (тем более в таком контексте!).

Кстати, директор совсем недавно сам громил алкоголиков с трибуны сельского клуба.

И все тихо. До следующего раза. И опять будет тихо. До следующего раза. А в промежутках — борьба с алкоголизмом.

г. Липецк

— Пора обедать!

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

Сергей СМИРНОВСКИЙ

ДО ДНА

Васильев Кузьма
Был примерным весьма —
Не пил, не курил, не скандалил Кузьма.
И вдруг... угодил в вытрезвитель Васильев.
— Как это случилось! — его мы спросили.
Улыбку стыдливую пряча свою,
Подробное дал нам Кузьма интервью:

— В тот день на серебряной свадьбе у дяди
Сидел я усталый — набегался за день.
Кругом веселились и пели соседи,
А стол перед нами ломился от снеди...
Был праздник по всем хлебосольным законам,
Лишь в пику закону несло самогоном.
Мне пить запретили врачи из-за почек,
А тут ради дяди я сделал глоточек...
Но все закричали (им только орать бы!):
— До дна надо пить в честь серебряной свадьбы!
— До дна! — подхватила, ликуя, невеста,
И дядя заметил:
— Знай время и место!..
Уважь молодых — мигом снимет усталость,
До дна надо пить, чтобы зла не осталось!

Я дядю уважил и тетю уважил,
Врагов в их лице я на свадьбе не нажил,
Плясал и кричал: «Пьем до дна!»,
«Дядя, горько!»...
Меня в вытрезвителе встретила зорька.

г. Ленинград

Вита ЖИЛИНСКАЙТЕ

СЦЕНАРИЙ

Рассказ

Сама не помню, как я прошмыгнула мимо вахтера, как вбежала по ступенькам, пожала руку какому-то незнакомцу, чуть ли не истопнику, и очутилась в комнате заседаний худсовета киностудии. Я, начинающий сценарист, волновалась.

За длинным столом собрался добрый десяток полузнакомых-полунезнакомых лиц. То были кинознатоки. Они молча улыбались, как бы в ожидании чего-то приятного: ну, разумеется — через несколько минут им предстоит обсудить мой сценарий! Я присела с краю и охотно прониклась тем же радостным чувством.

— Очевидно,— ко мне повернулось некое особенно довольное лицо,— вы уже знаете, что сегодня на студии просмотр двух французских фильмов?

— Нет, не знаю,— ответила я, чувствуя неловкость среди этих доброжелательных и интеллигентных людей.— Значит, мой сценарий не будет обсуждаться?

— Почему же? — с некоторым удивлением возразило лицо.— Дело есть дело.

— Если обсуждение сценария состоится,— поднялось другое лицо,— то я должен извиниться и уйти, чтобы проверить пригласительные билеты у входа в зал.

— Давай, давай! — заторопили его.

— А вы идете на французские фильмы? — обратилось ко мне еще одно заботливое лицо.

— Что?! — Я судорожно прижала к себе сценарий.— Я?!

— Не раздумывайте! Ведь эти ленты будут показаны лишь узкому кругу знатоков! Так что сами понимаете...

— Ближе к делу,— прервало его другое ответственное лицо.— До начала остается двадцать минут!

— Я в двух словах.— Лицо, делавшее доклад, бросило взгляд на ручные часы.— Что можно сказать об этом сценарии? Сценарий этот написан молодым автором на современном материале, а сценариев молодых авторов в нашем портфеле нет, так что, получив наконец после долгого перерыва сценарий молодого автора... А механика предупредили, что французские фильмы будут на полчаса раньше?

— Схожу узнаю,— вызвалось какое-то бойкое лицо.

— Я,— заговорило лицо с карманными часами, лежащими на колене,— тоже прочел этот сценарий. Предыдущий товарищ правильно заметил: наконец-то мы получили сценарий молодого автора, а заодно и возможность поговорить о... Простите, меня просили достать еще один пригласительный на французские фильмы. Я пойду устрою.

Еще одним добрым, толковым лицом стало меньше.

— Никто не спорит,— выступило третье лицо, — что сценарий этот написан молодым автором на современном материале. Но меня беспокоит совсем иное...

Все понимающе покивали головами. Со двора донесся дружный топот, все прислушались.

— Уже идут на французские фильмы,— потускнело одно из лиц.— Надо занять места... Как бы не пришлось на полу сидеть. Пардон!

Еще одно доброе лицо исчезло. Я крепче прижала к себе папку со сценарием.

— Сценарий наводит на большие раздумья,— проговорило скромное, мыслящее лицо, которого я до сих пор не замечала.— Мне кажется, что главная идея произведения подчеркнута недостаточно, и поэтому придется убрать некоторые второстепенные эпизоды, чтобы...

— Пардон,— перебили его.— Остается одиннадцать минут!

Затрещал телефон.

— Французские,— бросило в трубку лицо с часами на колене.— К сожалению, о сексе только один... Да, да.

— Надо посмотреть, успели нам занять места или нет,— обеспокоенно заерзало очередное лицо. И тут же превратилось в ноги.

— Суммируя все выступления,— поднялось последнее, обобщающее лицо,— мы должны сказать автору, что ему придется доработать сценарий и представить еще один вариант, ибо...

— Paris, o Paris...— запели за окном.

Лица встали. Я смотрела, как неудержимо они устремляются по направлению к набережным Сены, Елисейским полям и двери...

— Автор ничего не хочет сказать? — обернулось от двери последнее лицо.

— Хочу,— не вставая с места, сказала я.— Я хочу поблагодарить всех выступавших и заверить, что буду продолжать работу над совершенствованием своего сценария. Но мне не очень ясно, что будет, если я, как здесь предлагали, подчеркну главную идею и уберу некоторые второстепенные...

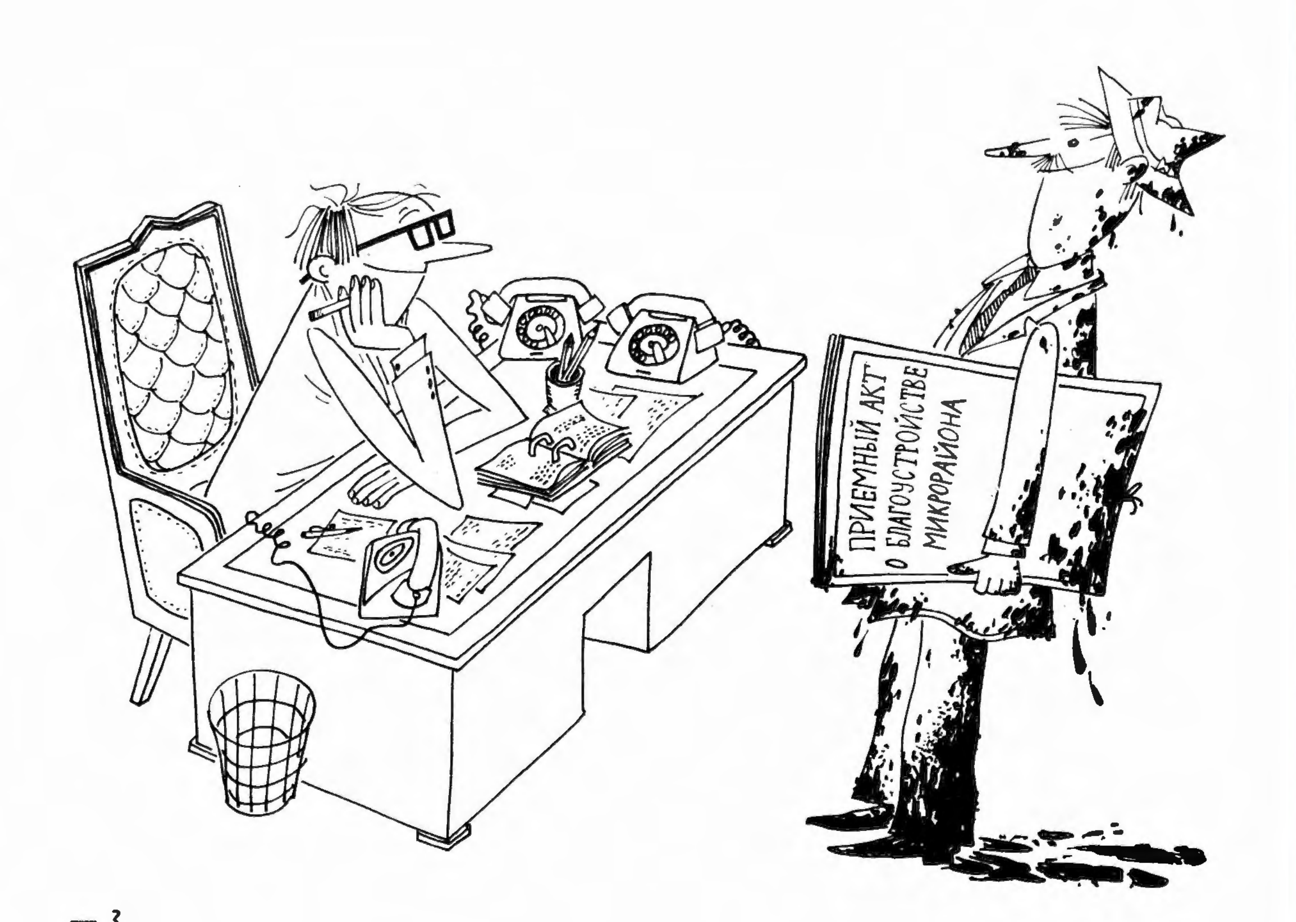
Мое выступление было прервано энергичным позвякиванием. В дверь просунулись лицо и рука с ключами на пальце.

— Когда закончите монолог,— голосом истинного знатока сказала секретарша,— захлопните за собой дверь. Замок французский.

— Мерси,— поблагодарила я.— Оревуар.

— ...Уар-р-р! — проворчала секретарша и оставила меня одну в комнате заседаний.

Перевел с литовского Ф. ДЕКТОР.

— ?
— !

Рисунок В. ШКАРБАНА

Евг. НОВИЧИХИН

ВОКРУГ ДА ОКОЛО

Он, слово взяв по ходу прений,
Пылал решительностью весь.
Гремел:
— Считаю так,—
двух мнений
Быть не должно, коллеги, здесь!..
Но были все в недоуменье,
Когда сошел с трибуны в зал:
Про то единственное мненье
Смельчак ни слова
не сказал.

С ОГЛЯДКОЙ НА ИМЯ

Рецензию критик доставил в журнал
На книгу маститого друга.
— Тут скидок немало,—
редактор сказал,—
А это медвежья услуга!
Ведь в книге — просчеты!
О них ни гугу...
И критик задумался малость:
— Без скидок на молодость —
это могу!
Но как же
без скидок на старость!

г. Воронеж.

А. МОРАЛЕВИЧ, специальный корреспондент Крокодила

ОТРОСТКИ

Согласно с одноименным романсом уймем волненья и страсти. Недоврученной сторублевой купюрой утерт пот со лба. Сделан глубокий итоговый выдох. Все позади. Под слезы, бессонницу, радости, выкрики супруги «Молчи, выхлопная труба!» экзаменационная страда отошла. Достойные кончили школу и поступили в вуз. Также и недостойные.

С бодрой песней на зубах пройдем мимо этого факта. Немножко недоумков в системе высшего образования — нас этим не испугать. Переползет недоумок школу и вуз, в синих нарукавниках сядет в конторе, и вся его жизнь увенчается изобретением расчески-линейки (десять зубьев на сантиметр). А потом выйдет стаж, выйдет пенсия, и не будет он больше тормозить нашу поступь, повиснув у общества на штанах.

В некоторых союзных и автономных республиках произвели изыскания. И оказалось, что множество золотых медалистов — медалисты не по уму, а по тяте.

В период экзаменационной страды недоумок опасен. И особо опасны его родители. Их волненья и страсти.

Выставив вперед на манер бульдозерного ножа тисненый мандат либо просто бумажник, прет впереди папаня, расчищая дорогу ребенку.

И гражданка Борисова с титулованным мужем Борисовым вытряхивают душу из Министерства просвещения Чечено-Ингушской республики, а вместе с душой медаль.

И Мусаев Асу бежит к зданию серноводской школы, и речь его такова, будто человек бежит вдоль забора, читая вслух все, что на нем написано.

— Они такие-сякие, туда-растуда, завалили мальчика!

Конечно, нельзя, недопустимо, не велено, но сидят на экзамене так: старший Мусаев, младший Мусаев, визави — педагоги. Короче, в присутствии папы сын выдержал все экзамены. Потому что на дворе хоть и лето, но осень наступит, станет рано темнеть, и разве уютно будет педколлективу ходить одной улицей с папой?

Тут печально разводит руками министр просвещения ЧИ АССР М. Умаров и говорит, что да, под таким давлением есть «приписки» со стороны педагогов.

Силовое давление: окажись на пути хоть канадский хоккейный ансамбль, перемелет папаня всех «звезд» в метеоритную пыль.

Вот, скажем, главврач больницы Попов из станицы Ассинской урывал медаль сыну. Обычный терапевтический случай. Моральное недержание. Урывал, а дали медаль дочке бондаря Живоглядова.

Страшен был гнев главврача. Закипев гемоглобином, поклялся врач превратить выпускной вечер в траурный.

И когда директор школы стал вручать аттестат особого образца и медаль девушке Люде, главврач закричал, словно на другую планету:

— Подлецам медали не выдавать!

И не успел ахнуть, а может быть, даже сильнее наказать выходку зал, как на сцену проник сын своего папаши. Он и продекламировал, густо сдабривая жестом и мимикой:

Я помню эти стены
И этот чудный зал,
Откуда я со сцены
Немало выступал.
Я помню классы эти,
Все помню, не забыл.
Как жаль, что я недавно
Все это разлюбил.
А что любить, скажите?
Ведь здесь обман и ложь!
А коли подл учитель,
Так что с него возьмешь?

— Игорь! — воздел руки директор.— Опомнись!
— Читай, мальчик! — крикнула мама.— Читай им!
Мальчик крыл дальше:

Вы совесть затоптали,
Все, что святое есть.
И нас, друзья, предали,
Предали юность, честь...

И дальше — гуще. Словом, завернул мальчик гайки, особо нажимая в последних строках, что правда (видимо, в лице его мамы) «всех сожжет».

Затем семейство удалилось, рассекая толпу. Правда, мама с ходу забросала партийно-советские, судебно-правовые и газетно-журнальные органы страны фиолетовыми бумагами с выводом «ПРЕСТУПЛЕНИЕ!», папа всех и вся обвалял в нечистотах устно. В сборище выпивох, садистов, коммерсантов, простых и оберхапуг, торговцев медалями превратились все: Министерство просвещения, лично министр, десятки должностных лиц и просто станичников. С большим опозданием исполком порицнул изнывающего от любви к сыну отца: за шантаж и вымогательство отличной оценки объявили папе выговор.

Но педколлектив был сломлен папашей уже задолго до этого.

— Нет-нет! — будто из-под колес шарахнулись педагоги, заслушав предложения родителей прочих выпускников.— Традиционный выпускной вечер в школе? Попов сразу БХСС нашлет. Скажет, здесь преступная складчина!

Полулегальный вечер проводили в усадьбе доброго дядьки тракториста. Пили морс, танцевали полонез. Для непредоставления главврачу обличающих материалов. Расходились задами.

Страшное, товарищи, дело — папы в экзаменационных процессах.

— Сейчас в школах таких случаев меньше,— говорят, впрочем знатоки.— Был резон шакалить медаль, когда с медалью была прямая дорога в вуз. Теперь дело другое. Хоть ты и с медалью, а пройди собеседования, сдай экзамен. Поэтому эффективнее сразу нести пурмарили[1] на факультет брожения в пищевуз, а не тратиться на медаль.

И верно. То там, то тут громыхают судебные процессы по вузам. Из сфотографированных в ультрафиолете стен при понятых достают дензнаки.

Тлетворно влияет папа на вуз.

Есть два вида фосфора. Один участвует в мышлении. Другой годится только на спички. Молодые люди, чьи головы можно приравнять только к большой спичечной коробке, из тех, что служат домохозяйкам для зажигания плит, протирают модерновые штаны «Кнуд энд Праник» с блудницами по злачным местам. Они не шуршат книгами и конспектами. За них (и чем надо) пошуршит папаня. Незнание дитем магнетизма и орфографии он сбалансирует щедрым пурмарили. В июле набивает отец чемоданы так, что углы их сглаживаются, чемоданы приобретают способность кататься. Вяжет в связку, на манер противотанковой, оплетенные тростником сосуды с зажигательной жидкостью, едет пробивать своего «отростка» (слова «отпрыск» не знает).

А дитя тем временем обживает великий город. Оно прибыло загодя, вроде акклиматизанта-спортсмена на игры. Не забивая себе голову, дитя проводит время в суждениях о гастрономии и футболе и знатности рода, к которому принадлежит. Инертное провождение времени.

И тут облака пробивает лайнер с папой внутри.

Конечно, поступление в вуз ребенка — волнительное дело для всех семей. Умница дочь выдерживает экзамены и поступает, но еще три месяца после этого мама приходит со службы, не кушает, садится к окну и плачет от счастья при погашенном свете.

Сын на экономической географии недобрал один балл (и руку не мыл, которой берешь билет, и вообще знал тему — а вот же!). И папа, стропальщик, погрузо-разгрузочный бог, кряхтит, конечно, с досады, но говорит — не журись. Отслужишь в войсках, вернешься — твое от тебя не уйдет.

При этом заметьте: ни мама, вполне директивный товарищ, не давила на деканат, ни папа, играя бугорчатым бицепсом, не садился перед забледневшей комиссией. Их служебная деятельность шла своим чередом, в отрыве от «не поступит — поступит». Они не дезорганизовывали, не разлагали дело большой государственной важности. И не от таких родителей педагог паникует, не от них он стремится в отпуск на остров Шумшу и тому подобное труднодоступие, чтобы не могли отозвать для участия в нервотрепных экзаменах.

Паникует он от родителя, который вдруг возникает на пороге его квартиры, который проникает в такие отверстия, что малы и для холода.

— Честь науке! — говорит родитель.— Вам звонил про меня Николай Абрикосович? Это я и есть, а вот Кеша.

Отросток Кеша поклонно кивает спичечным коробком головы.

— Вот привел его, личность вам показать, а то как узнать на приемке. Иди, Кеклик, развейся, у нас взрослое дело. Значит, капитально уважает сынок мой работу в разрезе Объединенных наций. Полномочный представитель — это нам по шерсти, только б в учебу зачислить...

«Сволочь, — тоскует про себя педагог, глядя на визитера.— У Сысоева на август надо собаку одолжить. Ризеншнауцер, что ли. Сейчас бы он этого — через мякоть до кости!»

— У вашего сына нищенский багаж знаний.

— Гля, квартиру тут освежать уже надо. Как паркет вздулся, будто труп сховали под ним. Я ремонтеров пришлю. Лепнину положим. В туалете чешскую плитку-антик.

— Прошу вас, — дожигая остатки интеллигентности, с вибрато в голосе говорит педагог,— убраться куда вам привычней... Вон отсюда! В органы обращусь!

— Гражданин товарищ доцент! Ну, ладно, черного кафеля в туалет занарядим! Баранину обеспечу на весь срок обучения. Облизать пальцы баранина...

— Вон!

Щербатя ступени, грохочут в июле вниз по лестницам пронырливые отцы, и опять они всюду. Они забегают сзади — потереть гражданину доценту спину в бане, они насилуют телефон, за рукав хватают ректора в подъезде, и, как прогоняемый сквозь строй, идет на экзамены педагог:

— Запчастевая база мы...
— Кожгалантерея и трикотаж...
— Холодильник «Розенлев»...
— Начкурупра. Путевки...

И в коридорах Грозненского университета, где все входы, окна, вентиляционные трубы, подвалы блокированы пикетами (разве что канализация оставлена без присмотра), куда вход только по служебным удостоверениям и экзаменационным листам,— все равно гудеж родительской публики, проникшей, видимо, канализационным путем. Здесь, возле самых аудиторских дверей, они интригуют, чтобы отбить место у дельных юношей и просунуть в инженеры или гуманитарии своих наглых, прытких личинок. Чтобы они окуклились в этих стенах и сели на должности — тормозить нашу жизнь.

А того ли хотелось?

Чечено-Ингушская АССР.

---

[1] Пурмарили — хлеб-соль.

МИМОХОДОМ

На обсуждении книги молодого автора:
— Обсудимый, встаньте!

* * *

Оркестрант почил на литаврах.

С. МАРКОВ

Мечта покупателя: попасть к шапочному разбору.

* * *

Клиентам казалось, что обувная мастерская работает под девизом: «От починки до починки один шаг».

А. ЧЕРНОВ

Ей льстило, когда о ней говорили: «Вот это голова! Один шиньон чего стоит».

Э. ДИВИЛЬКОВСКИЙ

Сначала его ловили на слове. Затем он попался на чужих произведениях.

В. РУДИНСКИЙ

Продавец часто терял чувство меры.

А. ЧИКАРЬКОВ

— Что не заглядываешь?
— Пить бросил.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

А. ПИВОВАРОВ,
специальный корреспондент Крокодила

По решению бульдозера

— Итак, дети,— говорит экскурсовод,— сейчас мы совершим путешествие по памятным местам нашего родного города Новокузнецка. Раз-два, шагом марш!

Школьники довольно переглядываются и отправляются вслед за экскурсоводом. Пойдем вместе с ними и мы.

— В этом доме,— начинает свой рассказ экскурсовод,— долгое время жил известный революционер Виктор Павлович Обнорский.

Ученики старательно озираются окрест, но ничего, кроме трансформаторной будки, не видят. Один из них, который побойчее, удивленно спрашивает:

— В каком доме?

— На этом месте, где сейчас трансформаторная будка,— уточняет экскурсовод,— стоял домик Обнорского.— Он достает из папки фотографию и показывает ребятам: — Так выглядело здание, в котором после каторги жил один из основателей «Северного союза русских рабочих».

Ну, а пока экскурсовод рассказывает учащимся о деятельности рабочего-революционера, мы тоже коснемся истории. Только другой — истории, которую хорошо помнит заместитель председателя Кузнецкого райисполкома А. М. Волошенков.

— Понимаете,— любезно вводит в курс дела Алексей Михайлович,— мы о памятниках проявляем максимальную заботу. Но здание, в котором жил Обнорский, пришлось снести. Оно мешало застройке города...

Вот ведь какую опрометчивость допустил в свое время Виктор Павлович Обнорский, поселившись как раз на том месте, где нужно было сооружать трансформаторную будку!

Между тем экскурсовод ведет школьников к берегам некогда полноводной красавицы реки Томи.

«На одной из улиц, карабкающейся в гору к Кузнецкой крепости,— читает он строки из книги «Новокузнецк» (изд. 1967 г.),—до сих пор стоит деревянный дом в полтора этажа. На нем мемориальная доска с надписью: «Здесь жил в 1906 году Валериан Владимирович Куйбышев».

Юные следопыты снова тщетно протирают глаза: ни мемориальной доски, ни самого домика в наличии нет.

— Вот на этом самом месте,— досадует экскурсовод, тыча в землю пальцем.— Видите, вот камни, оставшиеся от фундамента строения.

Воспользуемся вновь любезностью тов. Волошенкова — вникнем в историю пятилетней давности.

— Понимаете,— поясняет Алексей Михайлович,— об этом памятнике мы тоже проявляли заботу. Даже постановление горисполкома было, где предлагалось тресту «Кузнецкжилстрой» отремонтировать дом Куйбышева.

Алексей Михайлович сделал паузу. Видимо, оттого, что духу не хватило признаться... Пока постановление принималось, подошел бульдозер и вынес свое решение — увы, не подлежащее пересмотру. Оказывается, дом Куйбышева стоял на том месте, где должна проходить... дорога.

Но поспешим дальше. Экскурсия как раз взбирается на огромный вал, который ведет к оружейным складам, привратной церкви и другим сооружениям.

— «...В 1618 году велено быть в Кузнецком остроге,— нараспев читает экскурсовод,— первым московским воеводам Тимофею Степановичу Бабарыкину и Осипу Герасимовичу Оничкову...» Вскоре,— продолжает он,— острог был сожжен и построена мощная крепость. Огромные стены высотой до десяти и более метров служили надежной защитой от набегов кочевых племен. К какой только военной хитрости ни прибегали кочевники, чтобы разрушить их, но ничего не получилось...

Школьники недоуменно смотрят на своего экскурсовода.

— Как же не получилось? — робко задает вопрос веснушчатый мальчуган.— Стены-то наполовину разрушены. Да и от церкви не много осталось.

И тут экскурсовод вынужден из дремучей древности перенестись в наши дни. Он сообщает любознательным подросткам о том, что бутовый камень, из которого сложены стены крепости, и сверхпрочный кирпич церкви — лучший стройматериал. Поэтому жители близлежащих улиц — Широкая, Крепостная (наверное, названа так в честь того, что некоторые дома стоят на фундаменте крепости), Геологическая,— видя бесхозную твердыню, спокойно растаскивали дефицитный стройматериал. Лишь один раз, говорят, возник шум. Но не из-за того, что кто-то мешал растаскивать. Из-за куполов церкви. Ибо каждый частник считал сверхшиком покрыть свою крышу листами драгоценного металла...

На этом экскурсия заканчивается. А мы снова пройдем в горисполком. И снова спросим ответственных товарищей, что они думают насчет сохранности памятников истории и революционного прошлого.

— Одни исторические сооружения мы постараемся сохранить,— заверяют заместитель председателя горисполкома П. Н. Свистула и ответственный секретарь комиссии по охране памятников Л. Г. Царева.— Перенесем их, например, на территорию крепости. А те, которые разрушены, восстановим...

Пока журчат эти бесконечные прожектерские разговоры, время идет себе да идет. И неотвратимо приближается тот день, когда экскурсоводу уже вовсе незачем будет приглашать школьников совершать познавательно-краеведческие путешествия. Он просто соберет учащихся в кружок и скажет:

— Итак, дети, сейчас мы, не сходя с места, совершим увлекательную экскурсию по историческим местам родного города. Я вам покажу все то, что уцелело... Раз-два, шагом марш!

И развернет альбом с пожелтевшими видовыми фотографиями.

г. Новокузнецк, Кемеровской области

Федор Юрьевич МАКИВЧУК,
главный редактор журнала «Перец»

(к 60-летию со дня рождения)

Дружеский шарж А. АРУТЮНЯНЦА

Нарочно не придумаешь

«Сотрудники музейных фондов знают цену, казалось бы, мелким и случайным находкам. Ведь так и сложилась у нас, в сущности, одна из самых богатых в стране коллекция мамонтов».

Газета «Вечерний Свердловск».

«Товарищи артисты! Убедительная просьба на телестудию не опаздывать, так как нас дают живьем».

«Сбор артистов и оркестрантов («Не от мира сего») в 15.00 в фойе».

(Объявления в театре).

Прислала Т. Агафонова, г. Минск.

«Погода

Как сообщают синоптики, сегодня по нашей области ожидается переменная облачность без осадков. Днем небольшой дождь».

Газета «Ферганская правда».

«К примеру, вызвал директор начальника цеха и давай на него кричать. А про то не подумал, что прежде он ему должен стул предложить».

Газета «Уральский рабочий», г. Свердловск.

«Объявление

Срочно требуется на работу художник или человек, умеющий рисовать карикатуры на задолжников по квартирной плате для газеты «Колючка».

Оплата по соглашению. Можем предоставить служебную жил. площадь. Домоуправление — 3 ул. Чаплыгина, 27».

Прислала О. Артемьева, г. Новосибирск.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ОБИЛЕТИЛСЯ»

В заметке под таким названием («Крокодил» № 22, 1972 г.) говорилось о том, что водитель автобуса пригородного маршрута гор. Хмельницкого В. Лавренюк, получая с пассажиров деньги за проезд, билеты не выдавал, а деньги присваивал.

Зам. председателя исполкома областного Совета депутатов трудящихся тов. В. Криливый сообщил редакции, что заметка обсуждена на собраниях водителей парка. Водитель В. Лавренюк наказан.

«ПАР КОСТЕЙ НЕ ЛОМИТ»

В селе Агишты Чечено-Ингушской АССР баня строится восемь лет («Крокодил» № 13, одноименная заметка).

Как сообщает председатель Веденского райисполкома тов. П. Алтаева, строительство бани будет закончено в ближайшее время.

«ОРДИНАРНЫЙ СЛУЧАЙ»

В № 21 «Крокодила» был опубликован фельетон А. Ходанова «Ординарный случай». Рассказывалось в нем о засилье винно-водочной торговли в городе Ялте.

Как сообщил редакции заместитель председателя Ялтинского горисполкома тов. А. Волошин, фельетон обсуждался на заседании исполкома горсовета. Продажа алкогольных напитков, в том числе и вин, резко сокращена. Количество предприятий, торгующих спиртным, уменьшено почти наполовину, время торговли ограничено в соответствии с решением Совета Министров УССР. Приняты меры по обеспечению мелкорозничной торговли соками, квасом, пивом, фруктовыми водами и другими прохладительными напитками.

Торгующим организациям Ялты рекомендовано обсудить фельетон в своих коллективах.

— Вам письмо, пляшите!

Рисунок Н. ЩЕРБАКОВА

Рисунок А. ГРУНИНА

— Вы меня звали?

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Власта СМРЖОВА
(Чехословакия)

Бабушка и внучка

Сколько ждала она этого дня, часы считала, и вот наконец сбылось ее желание: приехала все-таки из Праги красавица Миленка, ее любимая внучка. Тоненькая, высокая, глаза все время смеются — прямо ожил старый дом, когда девушка вошла в него, неся чемодан.

Есть старики, которые вечно недовольны молодежью: и ведут они себя, нынешние, видите ли, не так, как надо, и статью не вышли, и разговор у них несолидный, и танцуют не плавно, а все скоком, скоком, словно воробьи. А бабка Яна не такая, ее не шокируют ни тесные выцветшие джинсы внучки, ни джемпер с таким вырезом, что, кажется, вот-вот развалится пополам. Что делать, если мода такая... Главное — надо быть с молодежью потактичнее. А бабке Яне предстоит с Миленой деликатный разговор. Такой деликатный, что дух захватывает. Не обидеть бы. Нет, не обидится внученька, поймет, что все это сделано для нее, для Милениного счастья.

Вечером, решительно набрав в легкие воздуху, бабка Яна спросила девушку:

— Миленка, тебе шестнадцать уже исполнилось?

— Уже, бабуля, старею,— улыбнулась Миленка.

— Стареть не стареешь, а подумать о жизни нужно. Я в твои годы уже деду на палец кольцо надела.

— Ой, что ты, бабуля, я еще школу не кончила. А, знаешь, сколько уроков задают? Сходить потанцевать некогда, не то что о женихах думать.

— Ты не сердись, внученька моя, но только в моем возрасте человек все-таки попредусмотрительнее, чем в твоем... Конечно, пока ты еще свою химию-физику учишь, но время-то летит. Вот я тут пока что приготовила тебе приданое. Смотри!

Бабка Яна горделивым жестом откинула крышку тяжелого кованого сундука.

— Вот, Миленка, все это твое! И простыни, и наволочки, и пододеяльники, одних полотенец дюжина, одеяло шерстяное... Поди, мамочка твоя такого тебе бы в век не сделала,— не удержалась бабка Яна, чтобы не съязвить в адрес невестки.— Теперь можешь смело идти замуж. Кончишь школу, найдешь парня хорошего, и — с богом!.. И все у вас будет в достатке. Вот, смотри, какие я тебе отрезы припасла. Импорт! Настоялась твоя бабушка в очередях для своей любимицы. Смотри, Миленка, смотри, все это твое. Да ты не стесняйся, большая уже. Ты что-то хотела сказать?

— Да, бабуля.

— Ну, говори, говори, не смущайся.

— Бабуля... ты не сохранила случайно копии чеков на все это?

— Есть, как же, я все сохраняю.

— Вот хорошо! А то они мне могут понадобиться при разводе, когда нужно будет доказать, что все эти вещи были у меня еще до замужества...

●

Мистер Джонсон рассматривает в писчебумажном магазине разложенные на прилавке шариковые ручки.

— Я хотел бы выбрать одну для своей жены, — говорит он продавцу.

— Разумеется, как маленький сюрприз?

— Да, пожалуй, можно так сказать. Она хотела меховую шубку...

●

— Почему так медленно развивается женский футбол?

— Ничего удивительного! Не так просто найти одиннадцать женщин, которые согласились бы выступать в одинаковых костюмах.

— Дорогая Йола,— воскликнул молодой человек,— ты все, что у меня есть на свете!

— Боже мой! Что случилось? Ты разбил свой автомобиль?

●

Джексон пришел в ломбард и спросил, сколько он может получить за свою скрипку.

— Двадцать пять долларов.

— Не много, однако же. Мистер Томпсон, который живет за стеной, готов дать мне пятьсот!

●

Одного очень бедного англичанина посетил адвокат. Вынув из портфеля какую-то официальную бумагу, он объявил:

— Мне поручено сообщить вам, что недавно умерший дальний родственник все свое имущество завещал вам. Вы получаете в наследство его поместье с прилегающими к нему обширными лесами, 100 тысяч фунтов стерлингов наличными и собаку.

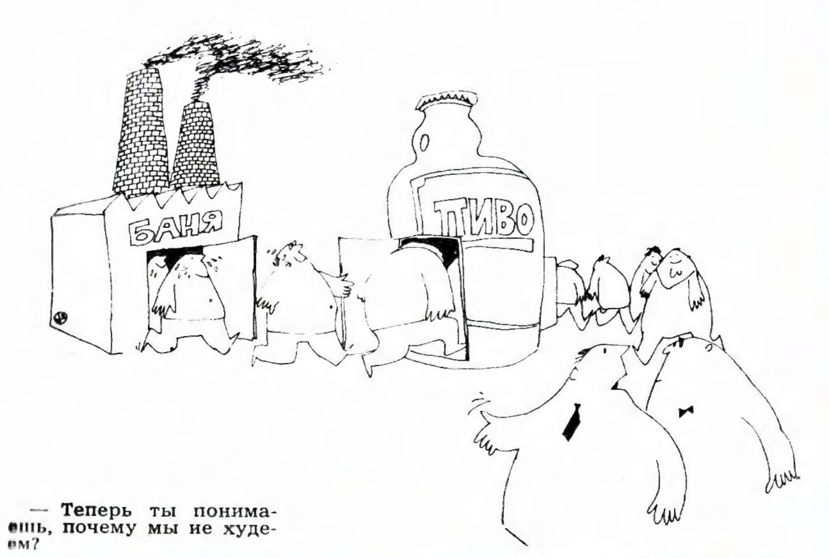
Наследник затянулся трубкой, выпустил облако дыма и спросил:

— Какой породы собака?

●

— Десять марок — раз, десять марок — два. Ну, кто платит больше?

— Теперь ты понимаешь, почему мы не худеем?

Рисунки Иоахима ИОРДАНА (ГДР).

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Очень высокий клиент входит в универмаг и примеряет обувь. Все номера оказываются ему слишком маленькими. Наконец приносят туфли 49-го размера.

— И этот номер мал.

Тогда продавец мрачно говорит:

— Извините, синьор, но после 49-го размера уже начинаются чемоданы.

●

— Обвиняемый, ваши увертки бесполезны. По крайней мере пять человек видели вас в восемь часов вечера возле убитой женщины.

— Возможно, пять человек меня там видели, но я вам могу указать по крайней мере тысячу человек, которые меня там не видели.

●

Премьера новой комедии окончилась полным провалом. Уже после первого акта публика стала уходить, в середине второго акта возле выхода собралась толпа, и один критик, присутствовавший на премьере, закричал:

— Спокойствие! Спокойствие! Первыми выходят женщины и дети!

Любитель древностей заглянул в антикварную лавку и, не найдя на полках ничего примечательного, обратил внимание, что кошка владельца лавки лакает молоко из тарелочки, которая, как он определил сразу, представляет огромную ценность. Погладив кошечку по шерсти, коллекционер спросил хозяина, не продаст ли он ее.

— Пожалуйста, — ответил хозяин,— такому почтенному знатоку и постоянному клиенту отказать не могу. Она стоит 50 долларов.

— Пожалуйста, вот деньги. Заодно я возьму и тарелочку, из которой киска пьет молочко,— она ведь к ней привыкла!

— Что вы! Эта тарелочка стоит пять тысяч долларов!

— Зачем же вы наливаете в нее молоко для кошки?

— Затем, что таким способом я продал уже 137 кошек...

●

— Дорогая, ты не помнишь, куда я дел мои очки?

— Не помню.

— Вот так вы, женщины, никогда ничего не помните.

Т. СИЛЬВЕСТРУ
(Румыния)

Подарок жене

Если вы женаты и у вашей жены иногда бывают дни рождения, вы понимаете, как нелегко купить подарок.

Не знаю, как поступаете вы, а я, как обычно, дотянул до последнего дня. Мои недруги назвали бы это ленью, беззаботностью, но я-то знаю, что откладывал покупку подарка только из-за стремления продумать все как следует, доставить как можно больше радости моей славной спутнице по той туристической экскурсии, что называется жизнью.

Итак, вчера, в самый канун дня ее рождения, когда отступать уже было некуда, разве что в развод, я отправился по магазинам. В «Еве» яблоку негде было упасть. Судя по ажиотажу публики, можно было подумать, что бесплатно раздают бриллианты, но на самом деле продавались меховые шапочки. И довольно дорогие. «Ну, слава богу,— подумал я с облегчением,— вот и подарок. Денег, правда, в обрез, но хватает».

Я уже встал было в очередь, но подумал вдруг, что не знаю размера головы моей милой Мари. Все, кажется, о ней знаю, а размера головы — нет. Не интересовался я ею. Не Мари, конечно, а ее головой.

В витрине соседнего магазина я приметил изумительную шерсть на костюм. Беж, мягкость необыкновенная, пушистость такая, что кажется, погладь отрез — замяукает.

— Сколько вам? — спросил продавец.

— Жене на костюм.

— Жены бывают разные,— назидательно сказал продавец,— от метра с небольшим до двух с лишним, если она у вас центровая в сборной по баскетболу. Соответственно меняется и метраж потребной ткани...

— Как вам сказать,— замялся я.— Она приблизительно вот такого роста.— И я показал рукой.

— Простите,— сказал продавец,— руками я не понимаю. Назовите мне ее измерения в сантиметрах, дюймах, футах, ярдах, но только измерения...

В ювелирном магазине мне понравился небольшой кулон. Я уже собрался было купить его, как подумал, что кулон без бриллиантов — это убого. А с бриллиантами дорого. Копить же деньги в ближайшие лет двадцать скучно.

У входа в ювелирный магазин в киоске через стекло на меня смотрела прекрасная коробка шоколадных конфет. Сорок три леи. Что ж, отличный, в сущности, подарок, но Мари уже шестой год собиралась худеть, и с моей стороны было бы нечестно соблазнять ее конфетами.

И тут я заметил его, мой подарок. Рядом с киоском продавались лотерейные билеты.

«В конце концов,— подумал я, покупая билет,— важен не подарок, а внимание».

— Наша мечта о дорогой квартире сбылась. Нам повысили квартплату.

«Лектюр пур тус», Франция.

КРОКОДИЛ

№ 29 (2039)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: В. Аброян (г. Ереван), М. Битный, А. Грунин, Ф. Куриц, Н. Лисогорский, В. Мохов, Ю. Праженник (г. Киев), И. Смирнов, Н. Станиловский, И. Сычев, В. Тильман, В. Шкарбан, Н. Щербаков.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

■

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

■

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

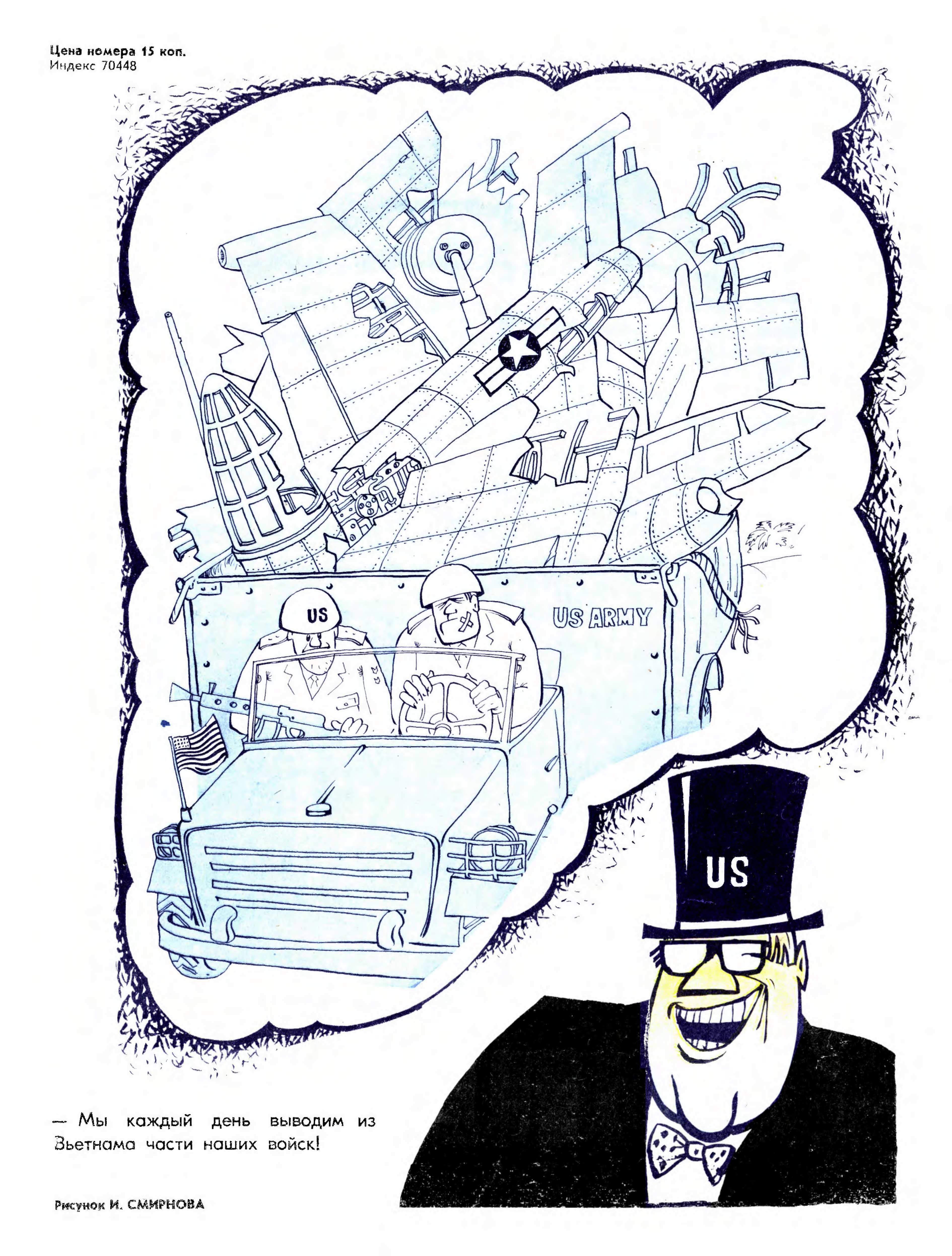
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 27/IX 1972 г. А 00991. Подписано к печати 9/X 1972 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 000 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 179 450). Изд. № 2060. Заказ № 3553.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

— Мы каждый день выводим из Вьетнама части наших войск!

Рисунок И. СМИРНОВА